

MILHIST

INFO

Пенской В.В. «Центурионы» Ивана Грозного, часть II:

Иван Семенов сын Черемисинов

Вторая из цикла статей - биографических очерков о командирах среднего звена русского войска XVI века. "Говоря же о карьере, прежде всего военной, Черемисинова, отметим, что интерес к его биографии с нашей стороны был обусловлен еще и тем, что такие начальные люди второго-третьего рангов, как Иван Черемисинов или Матвей Ржевский (еще один стрелецкий голова «первого призыва»), настоящие «полевые командиры», и являлись, судя по всему, тем «ядром», вокруг которого строились московские рати."

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2012/11/19/penskoy_2

Ссылка для печатных изданий:

Пенской В.В. «Центурионы» Ивана Грозного, часть II: Иван Семенов сын Черемисинов [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2012. — Т. III. — С. 239-296.

<http://www.milhist.info/2012/11/19/penskoy_2> (19.11.2012)

www.milhist.info

2012г.

ПЕНСКОЙ В.В.

**«ЦЕНТУРИОНЫ» ИВАНА ГРОЗНОГО, ЧАСТЬ II:
ИВАН СЕМЕНОВ СЫН ЧЕРЕМИСИНОВ***

«Того же лета (7058—1549/1550. — В.П.) учинил у себя царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси выборных стрелцов ис пищалей 3000 человек, а велел им жити в Воробьевской слободе»¹. Так писал неизвестный русский книжник о создании стрелецкого войска, которое наряду с поместной конницей стало своего рода «визитной карточкой» московской армии. Среди командиров-голов, что встали во главе первых шести стрелецких «статей»², он назвал Ивана Семенова сына Черемисинова. О нем и пойдет речь дальше.

Чем был обусловлен наш интерес к этой, казалось бы, незначительной исторической фигуре? На этот вопрос можно ответить по-разному. С одной стороны, И.С. Черемисинов, если сравнивать с его товарищами — первыми стрелецкими головами, выделяется на их фоне самой успешной, пожалуй, карьерой. Не случайно В.Б. Кобрин назвал его «весьма опытным воеводой и дипломатом»³. Говоря же о карьере, прежде всего военной, Черемисинова, отметим, что интерес к его биографии с нашей стороны был обусловлен еще и тем, что такие начальные люди второго-третьего рангов, как Иван Черемисинов или Матвей Ржевский (еще один стрелецкий голова «первого призыва»), настоящие «полевые командиры», и являлись, судя по всему, тем «ядром», вокруг которого строились московские рати. Именно Черемисинов и Ржевский со товарищи и равные им давали сановитым и «дородным» «большим» воеводам возможность осваивать на практике азы воинского искусства. Потому их биографии представляют для изучения русского военного дела той эпохи не

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 12-41-93021к.

меньший, если не больший, интерес, чем жизнеописания военачальников первого ранга. Однако его нельзя считать удовлетворенным, поскольку внимание историков, как правило, сконцентрировано на более значимых исторических фигурах — прежде всего на монархах и персонажах в их ближайшем окружении, «толпой стоящих у трона». Из-за них такие личности как Черемисинов, не видны, теряются на общем фоне. Вот и выходит, что, если возникает желание познакомиться поближе с биографиями Черемисинова и других сотенных и стрелецких голов, то, по большому счету, их, этих биографий, нет. Применительно к нашему герою имеется лишь небольшая статья в «Русском биографическом словаре», небольшая же заметка В.Б. Кобринина, которая была использована В.Н. Глазьевым, да, пожалуй, и все, если не считать разбросанных то тут, то там отдельных упоминаний о сыне боярском в исторических сочинениях⁴. Между тем в источниках сохранилось немало сведений о служебной карьере И.С. Черемисинова, особенно в 1550-х гг., когда ему действительно довелось сыграть чрезвычайно важную роль и как военачальнику, и как дипломату⁵. На основании этих материалов можно попытаться реконструировать в общих чертах жизненный путь боярского сына средней руки, сумевшего выбиться если и не в люди, то, во всяком случае, выделиться из общей плотной массы рядовых, незнатных и не «дородных» дворян и детей боярских Русского государства середины XVI в.

Фамилия Черемисиновых, по словам В.Б. Кобринина, «малознатная, хотя и «родословная»⁶. По преданию, род Черемисиновых-Карауловых происходил от выходцев из Золотой Орды⁷. Некий Федор Черемисин был убит в памятном для москвичей Белевском сражении 1437 г., и упоминаемый в «Бархатной книге» Семен Черемисин, возможно, был его братом, во всяком случае, близким родственником⁸. Первоначально вотчины Черемисиных находились, очевидно, в Костромском уезде⁹. Впоследствии, по мере дробления вотчин¹⁰, представители фамилии выбрались за пределы уезда, как это сделали, к

примеру, дети Федора Черемисина Василий и Федор, обменявшие отцовскую вотчину на села в Ростовском уезде¹¹. Наш герой в середине XVI в. имел земли в Суздальском уезде и был записан вместе со своим братом Федором и сыном Деменшей в Дворовой тетради по Суздалью, а также занесен в Тысячную книгу как суздальский сын боярский 3-й статьи¹². К этому стоит добавить, что в 1550 г. Иван Черемисинов стал одним из первых стрелецких командиров.

Итак, в начале 50-х гг. XVI в. наш герой записан в Дворовую тетрадь, «тысячник» и стрелецкий голова. Надо ли еще раз говорить о том, что на фоне тысяч и тысяч рядовых детей боярских, всплывающих в актовых материалах и тут же исчезающих навсегда из поля зрения историков, о которых мы не знаем порой ничего, кроме имени и прозвища, это был очень неплохой результат для не отличающегося «дородством» московского служилого человека? Попробуем сделать некоторые предположения относительно жизни Ивана Черемисинова до этого времени. Прежде всего, можно утверждать, что он появился на свет в семье сына боярского Семена Васильева сына Черемисинова и жены его Елены, возможно, в селе Петрово Городище в Суздальском уезде, которым Черемисиновы пользовались по меньшей мере с конца XV в.¹³ Хотя год рождения нашего героя точно не известен, тем не менее, это случилось не позднее 1520 г., а, скорее всего, несколько раньше. Иначе, если бы будущий «тысячник» и стрелецкий голова родился позже, он не успел бы так продвинуться вверх по служебной лестнице — стать головой «выборных стрелцов» и попасть в список «лутчих слуг». Да и старший сын его, Деменша, по младости лет не был бы записан в «тысячники» вместе с отцом. Думается, что здесь не обошлось, с одной стороны, без заслуг самого Ивана Черемисинова, сумевшего отличиться перед лицом самого царя в предпринятых им в конце 1540-х гг. не слишком удачных казанских экспедициях, а с другой стороны, свою роль сыграли и «службы» его отца Семена. О них, увы, нам ничего не известно, но судя по всему, эти «службы»

обеспечили Ивану лучшие, чем у сотен других отпрысков провинциальных служилых семейств, стартовые позиции.

Так или иначе, но молодой Иван Черемисинов был замечен столь же молодым царем и попал пусть не в ближний его круг, но, во всяком случае, оказался в поле зрения государя. Теперь предстояло доказать службой, что его выдвижение не было случайностью, «наехать» «роду своему честь» и «собе добро имя», и не только¹⁴. Надо сказать, это Черемисинову вполне удалось, благо возможностей отличиться в то время было предостаточно.

Приняв решение в конце февраля 1550 г. прекратить второй, оказавшийся снова неудачным, поход на Казань, Иван IV, тем не менее, не отказался от намерения подчинить ханство своей воле. Призвав «к себе» «царя Шигалея и воевод своих и казанских князей, которые были с ним у города у Казани» и «учял советовати» с ними, где бы ему, царю и великому князю, «поставити ... град Казанского для дела и тесноту бы учинити Казанской земли»¹⁵. Место для этого городка было примечено заранее, и с апреля 1551 г. работа закипела. Дьяк Иван Григорьев сын Выродков был отправлен с детьми боярскими «церкви и города рубити и в судех с воеводами на них вести», затем вниз по Волге двинулась судовая рать во главе с незадачливым казанским «царем» Шигалеем (Шах-Али), а из Нижнего Новгорода в набег («изгоном») на Казань отправился князь П.С. Серебряный, «а с ним дети боярские и стрельцы и казаки». Надо полагать, что перед князем и отправленными ему на помощь с Мещеры атаманами Елкой и Севергой¹⁶ с 2,5 тыс. казаков была поставлена задача отвлечь внимание казанцев от строительства города Свияжска.

Ранним утром («на первом часу дни») 18 мая 1551 г. князь Серебряный с частью своей рати внезапно объявился под стенами столицы ханства и атаковал казанский посад. Как писал летописец, князь «побил многих людей, и живых поимали, и полону русского много отполонили, а князей и мурз великих болши ста побили, и многих мелких людей и жен и робят побили; а великого князя

детей боярских на том бою убили Михаила Зачесломского да двух Стромиловых, да жива взяли сотцкого стрелетцкого Офону Скоблева; да стрелцов человек с пятьдесят и взяли и убили и потонуло»¹⁷. Судя по всему, в этом набеге стрельцы получили первое боевое крещение, и не подлежит сомнению, что атака казанского посада не обошлась без Ивана Черемисинова и его людей. Во всяком случае, в синодике Архангельского собора поименно названы 15 стрельцов «Ивана Черемисинова», что «под Казанью потонули и побиты»¹⁸. Самое же главное — набег судовой рати князя Серебряного позволил главным русским силам беспрепятственно доплыть до Круглой горы на месте впадения реки Свяги в Волгу, сгрузить с «великих лодий белозерских» «град древяны» и, предварительно расчистив место от леса, к 30 июня 1551 г. «поставить» город. Этот новый город-крепость, в строительстве которого приняли участие Иван Черемисинов и его стрельцы, стал базой для организации нового и оказавшегося последним русского наступления на Казань¹⁹.

В течение всего лета 1551 г. государевы стрельцы частью находились на Волге, Каме и Вятке «по всем перевозам», а частью стояли гарнизоном в «Свияжском городе». В августе отряд стрельцов сопровождал вместе с другими русскими ратными людьми «царя казанского Утемишь-Гирея с матерью с Сююнбек царицею», и вполне возможно, что именно стрельцам статьи Ивана Черемисинова была поручена эта ответственная миссия. Во всяком случае, конвоем командовал князь П.С. Серебряный, который мог взять с собой тех, кто уже хорошо зарекомендовал себя в походе и боях под его началом, на кого он мог положиться в этом сложном и опасном деле²⁰. Но если участие стрельцов Черемисинова в сопровождении знатных пленников в Москву не более чем предположение, то сомнений относительно того, что они вместе с городецкими «князьями и мырзами и казаками» сажали Шигалея «на царстве Казанском» практически нет. Летопись сообщает, что 16 августа 1551 г.

«поехал царь Шигалей на царство в Казань, а с ним по государеву наказу бояре его Юрьи князь Михайлович Голицын да Иван Иванович Хабаров да дьяк Иван Григорьев Выродков... Да с царем же в Казань поехало триста человек городецких князей и мырз и казаков, да двесте стрелцов з двема сотцкими царя и великого князя, а жили все у царя на дворе»²¹. Исполняя достигнутую перед этим договоренность, новый казанский «царь» приказал освободить всех русских пленников, находившихся в Казани, общим числом 2,7 тыс., что и было сделано на следующий день. Всего же, как сообщают летописи, из казанского плена освободелось 60 тыс. русских людей. После этого бояре отправили в Москву к Ивану IV гонцов, Данилу Адашева и нашего героя (следовательно, участника этих событий), с вестью-сеунчом о том, «что дал бог, дело его поделалось по его царскому наказу». 28 августа Адашев и Черемисинов прибыли в Москву и были приняты государем. Вне всякого сомнения, царь щедро наградил гонцов, но, надо полагать, для Ивана Черемисинова более важным была даже не награда, а сам факт участия в этой «посылке». Это позволяло ему надеяться на благосклонность государя по отношению к молодому и энергичному стрелецкому голове, отличившемуся в очередной казанской экспедиции и доставившему царю радостную новость о победе. Судя по всему, надежды сына боярского оправдались, и довольно скоро.

После приема у царя Иван Черемисинов вернулся обратно в Казань и снова принял команду над стрельцами, которые охраняли и заодно наблюдали за Шигалеем, оказавшись в самой гуще политической борьбы и интриг при «царском» дворе²². Ситуация в столице ханства тем временем оставалась крайне напряженной. Шигалей не пользовался авторитетом у казанской знати и духовенства, его положение было чрезвычайно двусмысленным. Идти на выполнение всех требований русского государя означало для Шигалея утрату остатков влияния в Казани, а пойти на поводу у оппозиции неизбежно привело бы к потере доверия со стороны Ивана, и тогда за судьбу казанского «царя»

никто не дал бы и ломаного гроша²³. Дело дошло до того, что Шигалей, используя добытые русскими сведения о пересылке между ногаями и казанскими «князьями», недовольными правлением московского ставленника, пошел на крайние меры. 14 ноября в Москву прибыли гонцы из Казани от русского представителя при «царе» князя Д.С. Палецкого, который писал, что де «казаньские люди Бибарс с братиею и многие князи казаньские ссылаются на царя в Нагаи, а сами хотели царю убить и боярина великого князя князя Димитрия убить же, и царь ся у них того поведал до полна». В ответ Шигалей пригласил заговорщиков к себе на пир и «велел побить у себя на пиру». Часть их была перебита касимовскими татарами из окружения Шигалея, а часть — стрельцами Черемисинова «на царево дворе», после чего стрельцы уничтожили «по подворием» противников Шигалея, не приглашенных на пир. Всего же «убил царь Бибарса-князя з братиею, Кадышь-багатыря, Карамышь-улана, а всех убил князей и уланов и мырз того дни и назавтрие семьдесят человек»²⁴.

Резня, устроенная Шигалеем руками своих татар и стрельцов Ивана Черемисинова, отнюдь не укрепила его позиций. Князь Палецкий, покидая Казань в конце 1551 г., оставил нашего героя «с его стрелци» (весь прибор — 500 бойцов²⁵) «царя беречи от казанцов и государя безвести не дрѣжати». Очень скоро в Москву стали поступать сведения о том, что противники Шигалея отнюдь не собираются складывать оружия и готовят на весну переворот. В Казань спешно отправился царский гонец с грамотой Шигалею и, естественно, Черемисинову, с наказом «жить бережно от казанцов»²⁶. Однако ситуация в «Казанском юрте» продолжала оставаться крайне напряженной, борьба «прокрымской» и «прорусской» партий не прекращалась, равно как и сношения с ногаями²⁷. Поскольку Шигалей явно не пользовался поддержкой казанцев — даже тех, кто придерживался московской ориентации, то дальнейшее промедление с принятием экстраординарных мер могло закончиться печально. Казань, как это уже было неоднократно, снова оказалась бы вне русской сферы

влияния, и этого в Москве допустить никак не могли. Поэтому здесь вздохнули с облегчением, когда приехавшие еще в октябре 1551 г. и оставшиеся в русской столице после учиненного Шигалеем убийства виднейших казанских аристократов послы «Муралей-князь да Костров-князь да Алемердин-азий» в январе 1552 г. «били челом» Ивану, «чтобы государь пожаловал, царя Шигалея свел с Казани, а дал бы им наместника боярина своего». Примечательно, что послы подчеркивали, — Шигалей настолько был ненавистен казанцам, что ему, Ивану, достаточно только убрать стрельцов Черемисинова из охраны «царя», чтобы тот сам сбежал из столицы ханства, а тогда город и вся «земля Казанская» примет царских наместников²⁸.

Шигалей, оказавшись в чрезвычайно двусмысленном положении, не стал дожидаться, пока его или убьют сами казанцы, или «сведет с царства» присланный из Москвы боярин, решив сыграть на опережение. «Те же зимы (7060/1552 г. — В.П.), марта 6, в первую неделю святого Поста, выехал царь Шигалей ис Казани на озеро рыбы ловити, а с ним многие князи и мурзы казанцы и городецкие и все пятьсот стрельцов великого князя»²⁹. Действительно, Иван Черемисинов и его стрельцы были единственной опорой незадачливого казанского «царя», и он с ними практически не расставался ни на час, обоснованно опасаясь за свою жизнь. И хотя сегодня можно только догадываться о том влиянии, какое имел Черемисинов в Казани, совершенно очевидно — его роль во всех этих событиях была далеко не последней, оставаясь значимой и в последовавших за бегством Шигалея из Казани переменах.

Вернемся к «казанской истории». Выбравшись за стены города, Шигалей объявил казанским «князем и мурзам», что он намерен ехать к Ивану, а их берет с собой в качестве заложников, после чего в сопровождении своего двора и стрельцов Черемисинова направился в Свияжск. Очевидно, что сидевший там воеводой князь С.И. Микулинский был заблаговременно оповещен

Черемисиновым о намерениях Шигалея, поскольку летопись сообщает, что в тот же день князь отправил в Казань двух казаков с царскими грамотами. В этих грамотах говорилось, что, идя навстречу казанскому челобитью, царь и великий князь «сводит» Шигалея со стола, ставит наместником в «Казанской земле» князя С.И. Микулинского и предлагает казанцам присягнуть на верность ему, Ивану. «Лутчие люди» казанские ответили согласием, и 7 марта в город отправились находившиеся в Свяжске «князья» Чапкун Отучев и Бурнаш в сопровождении Ивана Черемисинова «с тем словом, на чем на Москве князи государю били челом и на чем в Свяге Чапкун и Бурнаш правду давали». Вечером того же дня Микулинский получил от Черемисинова весть, что «вся земля Казанская государеву жалованью ради, правду дают, и к боярам едут лутчие люди»³⁰.

8 марта 1552 г. Черемисинов вернулся в Свяжск, сопровождая казанских «лутчих людей», но оставался здесь он недолго и вечером того же дня поскакал обратно в Казань «достальных людей их (казанцев. — В.П.) к правде приводити и того смотрити, нет ли какова лиха». Ночью стрелецкий голова отписал Микулинскому, что все идет своим чередом, как было договорено, «никоторого лиха нет, царицу отпускают, двор опоражнивают, а сельские люди, дав правду, и по селам розъезжаются», и потому можно отправить в Казань «лехкой кош с ествою» под охраной, чтобы можно было приготовиться к приезду царских наместника и воевод³¹. Однако прошло всего несколько часов, и все резко переменилось. Что же случилось?

Утром 9 марта 1552 г. князь С.И. Микулинский со товарищи выехал из Свяжска и направился в Казань, где Черемисинов готовил ему встречу и завершал приведение казанцев к присяге на верность Ивану IV. Не доезжая города, Микулинский отпустил вперед себя по их просьбе «князей» Ислама и Кебека вместе с мурзой Алике Нарыковым. Последние, вихрем прискакав в город, огорошили встретивших их казанцев вестью, что де царские воеводы

намерены город разорить, а его жителей всех побить. Новость, сообщенная приехавшими татарскими аристократами, произвела эффект взорвавшейся бомбы, «люди замешались..., иные на себя доспех кладуть»³². Черемисинов, у которого не было под рукой его стрельцов, не сумел остановить начавшийся мятеж и взять ситуацию под свой контроль. Судя по всему, начавшиеся волнения застали его вне ханского дворца, где находились приехавшие накануне 8 детей боярских с их людьми да 70 казаков, сопровождавших кош. Стрелецкий голова покинул Казань и поспешил навстречу воеводам, медленно ехавшим к городу.

Узнав от нашего героя об измене казанцев, князь Микулинский со товарищи попытались решить дело миром, однако возглавивший новое казанское правительство «князь» Чапкун Отучев, тот самый, что был одним из авторов проекта смещения Шигалея и установления личной унии Казани и Русского государства, не пошел на соглашение. Воеводы повернули назад, в Свияжск, и с этого момента новая война стала неизбежна.

Вместе с воеводами вернулся в Свияжск ко своим стрельцам и Иван Черемисинов. Впереди их ожидали тяжелые весна и лето 1552 г., заполненные постоянными стычками с казанцами и поддерживавшими их «горными людьми». Ситуация осложнялась еще и тем, что в Свияжске вспыхнула эпидемия, вероятно цинги, «и язвами многие померли, и иные мрут и болны лежать дети боярские и стрельцы и казаки»³³. Надо полагать, от нее досталось и стрельцам Черемисинова. Но самого стрелецкого голову «немочь великая» не тронула, и в июле он с теми из своих людей, кто не умер и не заболел, ходил в составе рати князя С.И. Микулинского на «горных людей». Последние были побиты, «воеводам доби́ли челом, государя правду дали и к городу Свияжскому пошли и з женами и з детми»³⁴.

13 августа 1552 г. стрельцы Черемисинова вместе со своим головой встречали прибывшего в Свияжск с главными силами русского войска Ивана

IV. Интересно — участвовал ли Иван Черемисинов в совещании, которое устроил царь по прибытию в Свияжск с Шигалеем, своим братом и воеводами на предмет того, как действовать дальше³⁵. Конечно, формально у стрелецкого головы не хватало «дородства», чтобы присутствовать на этом собрании высших русских военачальников. С другой стороны, кто, как не Черемисинов, достаточно опытный и знающий служилый человек, прошедший почти год в Казани, лучше всех знал ситуацию в городе, характер его укреплений и прочие детали казанского быта? И эти его знания очень могли пригодиться в планируемых действиях по овладению столицей татарского государства. Но, не имея возможности подтвердить участие головы в совещании, оставим это и перейдем к описанию действий Черемисинова и его стрельцов в осаде и штурме Казани русскими войсками — пожалуй, самой яркой странице в биографии нашего героя.

К сожалению, разряд Казанского похода, подобный тому, какой остался после похода Полоцкого или похода Ивана Грозного в Ливонию в 1577 г., не сохранился. Поэтому точно реконструировать обстоятельства участия стрельцов прибора Ивана Черемисинова в осаде и взятии татарской столицы не удастся, можно лишь сделать некоторые предположения, включив их в общий рассказ о действиях русских войск на ближних подступах и под валами Казани. Скорее всего, наш голова и его люди были включены царем в Большой полк и в его составе, переправившись 16 или 17 августа через Волгу «на Казанскую сторону», совершил переход к устью реки Казанки, где 20 августа 1552 г. завершилось сосредоточение главных сил русского войска перед последним броском на Казань³⁶. Этот переход осуществлялся в тяжелых условиях, «бе тогда время дождиво и воды в реках велики». Участник похода князь А.М. Курбский вспоминал, что на преодоление 20 верст от места переправы до Казанки русским потребовалось трое суток, «бо тамо не мало рек, еже впадают в Волгу; препровожашеся чрез мосты и гати, которые были пред нами показали

казанцы»³⁷.

23 августа, когда стало ясно — казанцы не сдадутся без боя, русское войско выступило к столице ханства. Накануне Иван созвал военный совет, на котором была составлена диспозиция будущего обложения города и разосланы приказы по полкам, среди которых был и такой — «в всей рати приготовили на 10 человек туру да всяк человек бревно на тын уготовал» для того, чтобы быстро возвести контрвалационную линию вокруг Казани, отрезав ее от внешнего мира. Обращает на себя внимание и еще один царский приказ: «без его царского веления и в полках без воеводскаго веления никто бы не ездил травиться к городу, дондеже время приспеет; и завещает государь сия великим словом грозным; да не дрезко сътворят дело, дондеже утвердит крепости около града»³⁸. Теперь же, когда все приготовления к началу осады были сделаны, полки пришли в движение, а с ними «стрелцы и казаки пеши перед полкы; такоже пред всеми полкы головы стрелетцкие, а с ними их сотцкие, всякой своим стом идет»³⁹. Выходит, что выдвигание полков на назначенные им по диспозиции места проходило под прикрытием вооруженных огнестрельным оружием стрельцов и казаков, игравших роль авангарда⁴⁰. Видимо, уже 23 августа стрельцам Черемисинова пришлось вступить в бой, когда казанцы попытались сделать вылазку и атаковать шедших в первых рядах стрельцов и казаков Передового и Большого полков⁴¹. 26 же августа четыре стрелецких приказа, в том числе и приказ нашего героя, вместе со спешенными послужильцами детей боярских и казаками, под общим началом второго воеводы Большого полка князя М.И. Воротынского, приступили к возведению «большой крепости» «против Царевых ворот, Арских и Талыковых и Тюменских»⁴².

Казанцы отнюдь не собирались отсиживаться за стенами крепости, сложа руки, пока русские возводили шанцы и батареи, и, по словам летописца, «как пошли (люди Воротынского. — В.П.) к городу, и казанцы вылезли многие

люди конные и пешие, и обоим, христианом и татаром, биющесея крепце на много время, и из пушек по граду и по воротам безъпрестани биюще и стрелцы из пищалей, такоже и з города ис пушек и из пищалей стреляху и бысть сеча велия и приужастна». Русским удалось отразить вылазку татар и после того, как они «вбиша» неприятеля обратно в город, «сташа головы стрелетцкие, стрелцы и головы з боярьскими людми и казаки по рву града и стреляхуся ис пищалей и из луков». Воротынский, действуя под их прикрытием, тем временем со своими людьми быстро установил заранее заготовленные туры «за 50 сажень от города», засыпал их землей, после чего отдал приказ «головам всех людей отвести к турам и перед турами веляше стрелцом и казаком против города закопаться во рвы». Бой, однако, на этом не закончился, и на протяжении всей ночи стрельцы и казаки вместе с боярскими людьми отражали контратаки казанцев, стремившихся разрушить возведенные русскими полевые фортификации⁴³. Удача, тем не менее, сопутствовала русским — наутро, 27 августа, утомленный и обескураженный упорным сопротивлением русских стрельцов и казаков неприятель отступил. После этого Иван IV приказал боярину М.Я. Морозову, которому было поручено командованием «большим нарядом», то есть осадными «великими» и «огненными пушками» «Кольцо», «Ушатая», «Змей Свертной», «Змей Летячей» и другими, установить их на позициях, подготовленных людьми М.И. Воротынского⁴⁴. Пушки заняли свои места и открыли канонаду, «побиваху многих людей из наряду», а стрельцы Черемисинова и их товарищи вместе с казаками, сидя в «закопех», «не даваше на стенах людем быти и из ворот вылазити, многих побиваша»⁴⁵.

Последующие дни осады прошли для Ивана Черемисинова и его стрельцов в рутинной, но от того не менее тяжелой и опасной работе — постепенном подведении апрошей ко рвам, перестрелках с неприятелем и отражении его вылазок, направленных на срыв осадных работ⁴⁶. Видимо, стрельцы Черемисинова посменно со стрельцами других приказов несли службу и в

установленной по царскому приказу в первых числах сентября дьяком И. Выродковым против Царских ворот «баште» со «многим нарядом», «полуторными пищальми и затинными» (по сообщению Курбского — 10 «дел» и 50 гаковниц⁴⁷). Из нее «стрелцы с пищальми многие» «стреляли в город по улицам и по стенам градным и побивая многие же люди»⁴⁸. Надо полагать, что без стрельцов Черемисинова и его самого не обошлись также во время экспедиции 30 августа против казанского «князя» Япанчи, засевшего со своими людьми в Арском лесу и беспокоившего русских своими набегами⁴⁹.

4 сентября стрельцам Черемисинова сильно досталось во время отражения большой вылазки казанцев, сопровождавшейся атаками людей Япанчи. Как раз в этот день ратники князя М.И. Воротынского подвели туры к самому краю рва между Арскими и Царскими воротами, «и по государеву велению приидоша стрельцы и казаки и головы з боярскими людьми и ста по рву и бьющееся велми». Однако преодолеть ров шириной 3 сажени и глубиной 7 сажени стрельцам, казакам и спешенным послужильцам не удалось из-за упорного сопротивления казанцев. Около полудня, в обеденное время, заметив, что многие русские «разыдошася ясти», татары внезапно высыпали во множестве «изо рву, изо всех нор, из-за тарасов внезапу» и атаковали позиции осаждавших. Немногочисленные находившиеся за турами стрельцы и казаки были опрокинуты, отступили, и, как писал Курбский, татары «всех наших далеко от дел (пушек. — В.П.) отогнали были». Лишь после того, как прибыли подкрепления, ратникам Воротынского удалось отбить отчаянную вылазку неприятеля⁵⁰.

Ответом на эту вылазку стал большой поход против засевшего в Арском остроге Япанчи. И, поскольку действовать русским предстояло в лесу, на пересеченной местности, то в большую трехполковую рать под началом князя А.Б. Горбатого были включены и стрельцы. Надо полагать, в эту рать были командированы и сотни от приказа Черемисинова. 6 сентября русские войска

взяли Арский острог, после чего 10 дней подвергали опустошению «Арьскую сторону». Примечательно, что во время выдвижения русских полков к острогу и последующего его двухчасового штурма снова, как и в первые дни казанской осады, «пеши стрельцы и казаки» «наперед полки пошли», поддерживая стрельбой из пищалей (стрельцы) и луков (казаки) действия спешившихся детей боярских и их послужильцев⁵¹.

После возвращения рати князя Горбатого из похода прошло еще две недели, заполненных напряженной работой по подготовке решающего штурма Казани. 30 сентября были взорваны подкопы, подведенные под «тарасы», построенные татарами у сильно поврежденных к тому времени огнем русской осадной артиллерии Царских и Арских ворот. «И взорвало тарасы и с людьми казанскими на высоту великую, и с высоты бревна падоша в город и побиша множество татар», — свидетельствовал летописец⁵². Изготовившиеся к штурму стрельцы, казаки и спешившиеся дети боярские со своими людьми под прикрытием артиллерийского огня пошли вперед, «заметали ров у города Казани хворостом з землею», и, преодолев ожесточенное сопротивление казанцев, взобрались «на стены градные и ворота града и в башню града от Арьскаго поля». Иван IV и его советники, не ожидавшие такого успеха и не приведшие заранее в готовность к общему штурму все полки, решили отвести назад людей Воротынского и присланного ему в помощь окольного А.Д. Басманова. Однако воеводы и головы (надо полагать, Иван Черемисинов в их числе) отказались отдавать взятые после упорной рукопашной схватки позиции. Напротив, они поспешили укрепиться на них, «крепкими щиты заставитися и туры засыпати землею» и, «сидяще на граде два дни и две нощи, ожидая приступу»⁵³.

Успех, достигнутый ратниками Воротынского и Басманова, ускорил наступление развязки. Иван IV приказал готовиться всем к общему приступу, намеченному на воскресенье, 2 октября 1552 г. — «и очистятся вси и у отцов

духовных исповедаются, достойны же благодати сподобятся: приближи бо ся день, вънеже пити общая чаша всем»⁵⁴. Неизбежность последнего «пира» стала очевидной после того, как казанцы в очередной раз отвергли предложение царя сложить оружие и выдать тех, кто развязал войну, нарушив достигнутые весной договоренности о мирном разрешении конфликта. Снова обращает на себя внимание тот факт, что согласно составленной накануне решающих событий диспозиции стрельцы под началом своих голов и казаки вместе с боярскими людьми должны были идти во главе штурмовых колонн, прокладывая дорогу спешным детям боярским — Иван «наперед велел приступати со всех сторон атаманом с казаки и головам з боярскими людьми да головам с стрельцы; и как, даст Бог, люди у города будут и на стенах, государь велел помогати другим воеводам изо всех полков з детьми боярскими»⁵⁵.

И вот настало утро 2 октября — дня, когда исход длившегося более столетия противостояния Москвы и Казани должен был окончательно разрешиться. Ратные люди русских полков изготовились к атаке, ожидая сигнала, который должен был возвестить о начале штурма. И вот спустя час после восхода солнца прозвучал сперва один, а потом второй, еще более мощный взрыв — взорвались заложенные в подкопы под казанскими валами бочки с порохом⁵⁶. «Абие якоже сильный гром грянул, и велми земля дрогну и потрясея... — писал русский летописец, — и страшна убо зрением земля яко тма являшеся, и на великую высоту восходящее, и многие бревна и людей на высоту возметающе...»⁵⁷. Еще не успели рассеяться гарь и дым, поднятые взрывами, как «поиде воинство царское со всех стран на град». Если наши предположения верны, то стрельцы прибора Черемисинова со своим головой пошли на штурм или в районе Арских, или Царевых ворот. Преодолев упорное сопротивление обороняющихся, русские ворвались на улицы Казани и после кровопролитных рукопашных уличных боев обратили татар в бегство. Уцелевшие защитники города попытались прорваться из пылающей Казани

через северные Елбугины ворота, но здесь были встречены ратниками полка Правой руки и были почти все перебиты или взяты в плен. Лишь немногим удалось укрыться в лесу. Взятый город подвергся разграблению и опустошению — царь повелел перебить всех «ратных» казанцев «за измену их», взяв в плен только женщин и детей, а все имущество жителей отдал своим воинам в награду за их труды. «А побитых во граде толико множество лежаша, — описывал летописец мрачный «пейзаж после битвы», — яко по всему граду не бе где ступити не на мертвых; за царевым же двором костры мертвых лежащее с стенами градными ровно, рвы же на той стороне града полны мертвых лежаша, и по Казань по реку, и в реке, и за рекою по всему лугу мертвии погании лежаша»⁵⁸.

Итак, 2 октября Казань пала, Казанское царство вошло в состав русского государства. По случаю «казанского взятия» по возвращению царя в столицу в Москве прошли трехдневные торжества и «жяловал государь бояр своих и воевод и дворян и всех детей боярских и всех воинов по достоянию, шюбами многоцветными своих плеч, бархаты з золотом, на соболях, и купки, иным же шубы и ковши, иным шюбы и кони и доспехи иным ис казны денги и платие». Значимости свершившегося события соответствовал и размах, с которым Иван одарил своих служилых людей — согласно летописи, за три дня «роздал государь казны своеи, по смете казначеев за все денгами, и платья и судов, доспеху и коней и денег, оприч вотчин и поместей и кормленей, 48000 рублей»⁵⁹. В сохранившихся источниках нет сведений о том, как именно был пожалован за свои ратные подвиги во время осады и штурма Казани Иван Черемисинов и его люди, но в том, что они получили заслуженное «царское жалованье», нет никаких сомнений. Стрельцам, по тогдашнему обычаю, раздали серебряные «новгородки» (начальные люди) и «московки» (рядовые стрельцы). Сам же стрелецкий голова, как недостаточно «дородный», вряд ли, конечно, сподобился шубы с царского плеча или «фрязского купка», но вот коня, доспех

и совершенно точно «денгу золотую» получил за свою ратную службу всенепрерывно⁶⁰.

О том, что происходило с нашим героем в первые годы после взятия Казани, сведений не сохранилось. Однако же осмелимся предположить, что он и его стрельцы остались на гарнизонной службе («на годовании») в Казани вместе с другими детьми боярскими, стрельцами и казаками под началом воевод князей А.Б. Горбатого и В.С. Серебряного, будучи поселены в одной из стрелецких слобод, которых в 1566 г. было две⁶¹. В казанской писцовой книге, датируемой этим годом, сохранилась роспись стрелецких караулов, согласно которой эту службу несли посменно по полусотне стрельцов⁶². И если он оставался там, то можно предположить также, что Иван Черемисинов со своими людьми принял участие в успешном походе в конце 1553 — начале 1554 гг. на отказывавшихся подчиниться власти посаженных в Казани Иваном IV воевод жителей «луговой стороны и арьских мест», за который также мог быть награжден «денгой золотой»⁶³. Надо сказать, что служба в Казани была в то время чрезвычайно сложной и опасной, о чем свидетельствует такой яркий пример — в конце февраля 1553 г. «казанские люди луговые изменили», отказались платить ясак, а сборщиков ясака, прибывших к ним из Казани, убили. Наказать мятежников казанские воеводы отправили стрелецкого голову Ивана Ершова и казачьего атамана Василия Елизарова, но мятежники сумели наголову разгромить оба отряда, убив, по сообщению летописи, «пол 400 стрельцов да пол 500 казаков». Не прошло и двух недель после этого, как бунтовщики во главе с «Зензеитом и Сарый богатырем со товарищи» напали на отряд во главе с воеводой Б.И. Салтыковым и также наголову разбили его, побив на месте 36 детей боярских, 50 их людей, 170 «горних людей», выступивших вместе с воеводой, а самого Салтыкова и еще 200 ратников взяли в полон⁶⁴.

Отсюда, из Казани, Иван Черемисинов отправляется вниз по Волге в

Астрахань, где ему довелось во второй раз стать одним из главных действующих лиц в разыгравшейся драме подчинения власти усиливающейся день ото дня Москвы еще одного татарского юрта — Астрахани. По взаимной договоренности с ногайским бием Исмаилом, достигнутой еще осенью 1553 г., когда Исмаил бы еще нурадином, вторым лицом во властной «вертикали» в Ногайской Орде, Иван IV обязался отправить рать против астраханского хана Ямгурчи с тем, чтобы сбросив его с астраханского стола, посадить на нем «царя» Дервиш-Али⁶⁵. Последний ранее уже правил в Астрахани, но потерял власть и бежал сперва к ногаям, а потом в Москву, где его пожаловали Звенигородом за службу московскому государю. В апреле 1554 г. трехполковая рать во главе с воеводой князем Ю.И. Шемякиным Пронским отправилась сажать Дервиш-Али на астраханский трон. В состав рати входили, помимо детей боярских дворовых и «розных городов выбором», также казаки и стрельцы⁶⁶. Однако был ли среди них Иван Черемисинов со своими людьми, неизвестно. Обращает на себя внимание, что среди участников похода назван был Григорий Желобов, один из первых стрелецких голов и также участник казанской эпопеи⁶⁷. Возможно, он и его стрельцы и находились в составе рати князя Шемякина Пронского. Черемисинов же со своими людьми оставался в Казани, поскольку ситуация в завоеванной казанской земле оставалась беспокойной.

Поход завершился успехом — Ямгурчи бежал из Астрахани, русские воеводы посадили на освободившемся столе Дервиш-Али, после чего покинули город, оставив в нем «годовать», одновременно наблюдая и за Дервиш-Али, и за ногаями, голову П. Тургенева, «а с ним стрелцов и казаков»⁶⁸. Однако, как и в случае с Казанью двумя годами ранее, попытка Ивана, поспешившего включить именование себя царем Астраханским в свою титулатуру⁶⁹, установить протекторат над татарским юртом посредством возведения на его трон вассального хана не имела успеха. Трения между московскими воеводами

и Дервиш-Али начались уже вскоре после того, как хан, отразив попытки Ямгурчи вернуться в Астрахань, почувствовал себя на троне более уверенно. Пытаясь обрести большую независимость от Москвы, Дервиш-Али решил опереться на поддержку крымского хана и Юсуфовичей, сыновей убитого Исмаилом в ходе борьбы за власть ногайского бия Юсуфа. И вот осенью 1555 г. дело дошло и до открытого столкновения между Дервиш-Али и московским «резидентом» при ханском дворе Л. Мансуровым⁷⁰. Дело явно шло по печальной памяти казанскому сценарию, и эти опасения подтвердились весной 1556 г., когда Л. Мансуров прислал в Москву гонца с грамотой. В ней русский посланник сообщал об измене Дервиш-Али и новом нападении хана и его людей на отряд Мансурова, который понес при этом больше потери — 150 чел. из 500⁷¹.

Получив это известие, Иван IV вспомнил об Иване Черемисинове и, надо полагать, не случайно, а благодаря его действиям при Шигалее и время осады Казани. Летописец сообщал, что в марте 1556 г. государь «отпустил» «в Асторохань голову стрелецкого Ивана Черемисинова с его стрелцы да Михаила Колупаева с казаки, да с вятчаны велел идти Федору Писемскому; да послал государь в прибавку голову ж стрелецкого Тимофея Пухова сына Тетерина с его стрелцы, да с вятчаны Федора Писемского, да с ними атаманы многие с казаки»⁷². Разрядные записи уточняют это известие — согласно им, с вятчанами двинулся в поход младший брат Ивана Черемисинова Федор⁷³. И, поскольку наш герой в первый раз появляется в разрядных записях, да еще поименован там первым воеводой пусть и небольшой, но все же самостоятельной рати, то выходит, что в 1556 г. он впервые добился, как тогда говорили, «именной службы», а для сына боярского средней руки это был серьезный карьерный успех. Перед воеводами была поставлена недвусмысленная задача — как писал Иван Исмаилу, «велел есми им (то есть Черемисинову и Колупаеву. — В.П.) Дербыша царя убити, а астраханских людей всех велел есми розогнати того

для, чтоб вперед вам от них лиха некоторого не было. А Ивану и Михаилу велели есмя жити в Астарахани дела своего и вашего беречи», поддерживать дружеские отношения с Исмаил-бием и его союзниками, оказывать им всемерную помощь и поддержку в борьбе с врагами ногайского бия, под которыми подразумевались, конечно, прежде всего Юсуфовичи и поддержавшие их ногайские мурзы⁷⁴.

Кстати, относительно размеров подчиненного Черемисинову войска в источниках ничего не сообщается, но можно попытаться представить, сколько примерно могло отправиться вместе с ним людей в «судовой» рати вниз по Волге, принуждать Дервиш-Али к повиновению. Из летописных и разрядных свидетельств следует, что под началом Ивана Черемисинова оказались по меньшей мере два стрелецких прибора и один казачий, то есть до 1,5 тыс. ратников. К ним стоит добавить вятчан Федора Черемисинова, а их могло быть около тысячи. Во всяком случае, для Полоцкого похода шестью годами позже с Вятки должно было выступить против государевых недругов 500 бойцов и еще 25 пищальников, а это было «вполы прежнего наряду», да и в летописи говорится, что вятчан возглавляли по меньшей мере два атамана⁷⁵. Одним словом, можно полагать, что под началом нашего героя было порядка 2,5 тыс. ратных людей — сила по тем временам немалая, и к тому же вооруженная по меньшей мере наполовину огнестрельным оружием, имевшая пусть и небольшой, но собственный «наряд». Как мы уже отмечали выше, судя по всему, с самого начала при стрелецких приборах была своя артиллерия. Для сравнения — весной 1555 г. ногайский бий Исмаил просил у Ивана Грозного прислать ему в помощь «дватцать пищалников (sic — !), да три пушечки и стрелцы хто стреляет из них»⁷⁶. А под началом Черемисинова было «пищалников» явно больше тысячи, да и «пушечек» порядка десяти! Можно также попытаться представить, сколько стругов был в экспедиции Черемисинова — англичанин А. Дженкинсон сообщал, что его корабль

сопровождали 2 струга с 50 русскими стрельцами, следовательно, если принять среднюю вместимость русского струга за 25 человек, то рать Черемисинова перевозили по меньшей мере 100 стругов⁷⁷. И если мы примем во внимание эти факты, то дальнейшее развитие событий уже вовсе не представляется таким уж невероятным.

Дервиш-Али, понимая, что его переход на сторону крымского хана не останется безнаказанным, молил Девлет-Гирея I о помощи. Своими силами хан не рассчитывал отбиться от русских — в его распоряжении было всего лишь несколько сотен профессиональных воинов, а на ополчение из рядовых астраханцев надежды было мало⁷⁸. Крымский «царь» отправил на помощь своему новоявленному союзнику некоего «Атман-Дувана» (Осман-Дувана?) с 700 всадниками и 300 своими «янычанами» «с пищалми», «да и пушки прислал на брежение Асторохани»⁷⁹. Однако даже с ханской помощью Дервиш-Али не рассчитывал отразить русское наступление. Поэтому, когда ханской ставки достигли известия о том, что к городу приближается русская судовая рать и когда стало известно, сколько на стругах плывет русских ратных людей, астраханский «царь» решил не испытывать судьбу и последовал примеру Ямгурчи, тем более что накануне подхода рати Черемисинова «приходил на царя Ляпун отаман с товарищы и поймал многие улусы, княгини и девки, жонкы и робята, а людей побил многих»⁸⁰. 14 сентября, в праздник Воздвиженья, который Иван Грозный отмечал в Троице-Сергиевом монастыре, к нему прибыл гонец от Черемисинова и его товарищей. Воеводы сообщали государю, что де «пришли они в Асторохань, а город пуст, царь и люди выбежали», потому они заняли ханскую столицу и «город зделали крепок», а «укрепившись» в городе «как безстрашно сидеть», пустились на поиски хана, стремясь выполнить царский наказ «убити» Дервиш-Али. Нашли беглого «царя» Ф. Писемский и Т. Тетерин со своими казаками и стрельцами и, атаковав ночью лагерь хана, «побили в улусах у него многих людей». Попытки

уцелевшего в ночной схватке хана взять наутро реванш были отражены русскими ратниками, которым удалось после боя, длившегося целый день, достичь без особых потерь Волги и на стругах отойти к Астрахани⁸¹.

Потерпев неудачу, Дервиш-Али попытался выиграть время и вступил в переговоры с Иваном Черемисиновым, ссылаясь на то, что он де «изменил государю неволею» и потому бьет Ивану Грозному челом в том, чтобы «государь бы ему милость оказал». На первых порах переговоры как будто имели успех, как сообщал в Москву Черемисинов, «царь» со всей «своей землей» «правду дал», что «им ехати во град и служити царю и великому князю», и в знак своих добрых намерений в обмен на 15 «жонок» из числа взятых в Астрахани полоняников отпустил русского посланника А. Тишкова, посланного ранее к Исмаил-бию и попавшему в плен к его врагам⁸².

Не доверяя хану, Черемисинов и его товарищи продолжали укреплять занятую ими Астрахань, одновременно «по Волге стрелцов и казаков разставили и отнели всю волю у нагаи и у астороханцев рыбные ловли и перевозки все»⁸³. Надо сказать, предосторожность Черемисинова оказалась ненапрасной. Спустя полторы недели после первого гонца, 23 сентября 1556 г., в Троицу прискакал другой, с новой грамотой от нашего героя, в которой тот сообщал царю, что Дервиш-Али нарушил свое обещание и под давлением крымского воеводы Осман-дувана и Юсуфовичей, сыновей покойного ногайского бия, «шерть свою изменил»⁸⁴.

Стало очевидно, что заставить Дервиш-Али соблюдать ранее достигнутые договоренности не получится, равно как и оставить его на астраханском троне. И здесь уже не важно, получилось ли так случайно или же в Москве с самого начала вынашивали планы покорения Астрахани, а вся затея с посажением на астраханский стол Дервиш-Али носила демонстративный характер — важно другое. Теперь, когда присоединение Астрахани к Русскому государству стало фактом, необходимо было как можно быстрее стабилизировать ситуацию

вокруг города и прочно утвердить здесь русское присутствие и влияние. Надо полагать, дипломатические таланты Ивана Черемисинова, подкрепленные немалой военной силой, должны были сыграть в этом немаловажную роль. И судя по тому, как развивались события дальше, Иван Грозный не ошибся в выборе первого астраханского воеводы (все предыдущие русские «агенты» при астраханском дворе все же не обладали теми правами и возможностями, что Черемисинов).

В разрядных записях сохранились сведения о том, что «...Иван (Черемисинов. — В.П.) и Михайла (Колупаев. — В.П.) сели в Астарахани и город зделали земляной, а жили в Астарахани два годы». Обращает на себя внимание длительность «годования» Черемисинова в «астраханском юрте», равно как и возведение им и его людьми «земляного города» — до Черемисинова «было в Астарахани два города плетены в комышу да насыпаны землею»⁸⁵. Понятно, что такое примитивное укрепление было под силу взять даже татарам, которые не любили заниматься осадами, что и продемонстрировали наглядно Юсуфовичи, вынудив Мансурова покинуть этот «земляной в комышу» городок. Теперь же укрепления Астрахани представляли собой более серьезное препятствие и оплот русского влияния в Нижнем Поволжье и на северном побережье Каспия. Кстати, сохранилось пусть и лаконичное, но все же сделанное очевидцем описание Астрахани, отстроенной Черемисиновым и Колупаевым. В июле 1558 г. в ней побывал английский путешественник и дипломат А. Дженкинсон, который писал, что «город Астрахань стоит на острове, на высоком берегу, с замком внутри города, обнесенным земляным валом и деревянными стенами; замок ни красив, ни крепок. Город также окружен земляным валом; строения дома (кроме тех, где живут начальники и некоторые другие дворяне) низкие и очень простые»⁸⁶.

Опираясь на возведенную крепость и имея под рукой немалую рать, Иван Черемисинов энергично принялся наводить порядок во вновь приобретенных

землях. Прежде всего новому астраханскому воеводе нужно было вернуть разбежавшихся в результате бурных событий последних лет, войн и набегов, астраханских «черных улусных людей» на прежние кочевья, гарантируя им защиту московского царя. А их было немало — согласно летописи, когда в 1554 г. Дервиш-Али был посажен на астраханский стол, хану и Ивану Грозному «правду дали» «азстороханские люди Ишим князь, Алей Князь, Кураткlesh князь и иные многие люди», «князья и мырзы» общим числом 500, «Енгуват азей пришел, а с ним многи молы и азеи и всяких 3000 человек», не считая 7000 «черных людей»⁸⁷. И с этой задачей Черемисинов, судя по всему, справился. Во всяком случае, в ноябре 1556 г. новый гонец от астраханского воеводы сообщал Ивану Грозному, что де «черные люди астороханцы приходят к Ивану и к Михаилу и бьют челом и правду царю государю дают, чтоб их государь пожаловал, велел житии по-старому у города у Асторохани и дань давати, и вины бы им государь пожаловал, отдал, казнити их не велел», потому как «они черные люди» не виноваты, поскольку «водил их царь и князи неволею, а иных астороханцов розвели нагаи в то время, как бегали от царя и великого князя». Помимо этого, к Ивану прибыли посланцы от горских князей, «ис Шамахеи, ис Шевка и с Тюмени» с предложениями установить мирные отношения и торговлю. Воевода царю, что к тем князьям он, Иван, со своим товарищем отправил де «служивых татар по государеву царя и великого князя наказу»⁸⁸. Иван IV, заинтересованный в том, чтобы как можно быстрее и прочнее закрепить низовья Волги за Москвой, одобрил действия воевод, заявив о своем желании «астароханских черных людей» «жаловати и беречи»⁸⁹.

Энергия, с которой Черемисинов принялся закреплять этот регион за Россией, не могли не оказать воздействия на позицию Юсуфовичей, тем более что Черемисинов принял самое непосредственное участие в переговорах сыновей покойного бия с русскими дипломатами и своим дядей Исмаилом, новым ногайским бием: «А писали Иван да Михайло, что Исуфовы дети Юнос-

мурзы да Алеи Исмаилу князю дабили челом и с Ываном да с Михаилом помирися и правду царю и гоударю дали на том, что им служити царю и великому князю, как Исмаил князь, и неотступными бытии и до своего живота и у Асторохани кочевати, а лиха никакова не учинити»⁹⁰. Результатом этих переговоров стало выступление Юсуфовичей против Дервиш-Али. Последний татарский астраханский «царь» был ими наголову разбит, потерял присланные ему крымским «царем» пушки, которые сыновья Юсуфа доставили в Астрахань и предъявили Черемисинову как свидетельство своей победы и знак верности московскому государю. Сам же астраханский хан бежал в Азов, а оттуда в Мекку⁹¹. Помимо перехода Юсуфовичей на сторону русского государя, не только астраханцы⁹², но и многие «добрые» ногаи «великого неустройства для» изъявили желание перекочевать к Астрахани под руку царских воевод, рассчитывая здесь обрести покой от многих неурядиц и голода, опустошивших в предыдущие годы Ногайскую Орду. В итоге, как писали Черемисинов и Колупаев Ивану Грозному в мае 1557 г., «и кочевали и зимовали ногаи под Астараханью и торговали во всю зиму в Астарахани поволно и полюбовно»⁹³.

Сложные и непростые отношения складывались у Черемисинова с Исмаил-бием и ногайскими мурзами, которые приняли его сторону. Конечно, царь неоднократно подчеркивал свое расположение бию и в переписке с ним сообщал, что Черемисинову отданы соответствующие указания помогать Исмаилу и его союзникам как ратью — стрельцами и «нарядом», так и посылкой «хлебново и естовново запасу». Однако, памятуя о переменчивом нраве татар и самого Исмаила, который пытался одно время вести самостоятельную игру, Иван Грозный вовсе не был рад перспективе усиления позиций Исмаила в Ногайской орде — слабый и зависимый от него бий был намного более предпочтительнее, нежели сильный. Надо полагать, что помимо инструкций оказывать содействие Исмаилу Черемисинов и его товарищ получили и иные — не слишком усердствовать в этом содействии. И

астраханские воеводы, блюдя государев интерес, вели себя по отношению к Исмаилу и его мурзам достаточно независимо, вызывая тем самым недовольство с их стороны. Так, Иван Черемисинов, восстановив торг в Астрахани и взимая с пришедших на него «гостей» пошлины, в жесткой форме отказал Исмаилу в его претензиях на 2/3 взимаемых денег, заявив бию: «Не дам деи тебе ни пула без государева ведома, пошли деи о том ко государю». Отказался Иван выдавать бию и взятый им астраханский полон, не говоря уже о том, что астраханские воеводы потребовали и, судя по всему, добились от Исмаила возвращения им всех русских пленников. Более того, жаловался бий царю, Иван ногаев, что ушли от него, не возвращает по требованию бия обратно, «тех наших людей татар емлет» и «оманывает их: яз деи вас стану кормити». В итоге бий, оскорбленный таким пренебрежительным отношением со стороны «худородного», по его мнению, русского воеводы, потребовал у Ивана осенью 1557 г. сменить Черемисинова и прислать «доброво боярина», «да тому человеку накажи, чтобы с нами гораздо говорил» (sic — !)⁹⁴.

Не желая обострять отношения с Исмаилом, который был нужен Ивану Грозному для участия в наступлении на Крым, царь в январе отписал бию, что он опалился на Ивана и, «как Бог даст, весна придет, и мы его с того юрта сведем часа того. А на его место пришлем иново доброво боярина»⁹⁵. С началом навигации 1558 г. на Волге на смену Ивану Черемисинову и его товарищу в Астрахань был отправлен Иван Выродков, дворецкий угличский и калужский, еще один герой казанского «взятья»⁹⁶. Большого Исмаилу добиться не удалось, да и с самим Выродковым ему тоже пришлось несладко, так что бий поздней осенью 1558 г. даже писал Ивану, что де «Иван Выродков много лиха делает. А на Ивана Черемисинова погневался еси немного тово для, что мне ис таможново доходу не давал». Сравнив на деле достоинства вновь присланного воеводы с теми, которыми обладал предыдущий, Исмаил взмолился, «что ныне на усть Волги быти пригож Иван Черемисинов»,

поскольку он знает татарский язык и потому пускай царь «на весне вборзе прислал Ивана ж Черемисинова»⁹⁷.

Однако Иван не стал снова отправлять Черемисинова в Астрахань, а нашел ему иное применение. Уже в марте 1559 г. мы видим нашего героя первым среди приставов, которые должны были встречать литовское посольство В. Тышкевича «на Дорогомилове, от дворов посадцких с перестрел», а затем охранять и сопровождать их в самой Москве⁹⁸. Годом позже, в феврале 1560 г., согласно летописи, «отпустил царь и государь и великий князь по челобитью кабардинских князей и по неправдам шевкалавым воеводу Ивана Семеновича Черемисинова с товарищи на Шевкал и на Тюмень»⁹⁹.

Надо полагать, этот выбор царя был неслучайным. И в самом деле, кому, как не Ивану отправляться туда? Он не только знал татарский язык, но за два года пребывания в должности астраханского воеводы основательно погрузился в хитросплетения местной политики, сумел установить нужные связи, создать разведывательную сеть и занять осведомителей¹⁰⁰. Судя по всему, этой экспедиции придавали в Москве большое значение, ибо она была частью плана Ивана Грозного и его советников по обузданию крымской опасности — вряд ли было случайным совпадение отправки в 1560 г. русских ратных людей на Дон, где годом ранее был поставлен воеводой И.М. Вешняковым городок, в «Черкасы» «на государство» князя Д. Вишневецкого, а против шамхала тарковского, врага союзников Ивана Грозного кабардинских князей, Черемисинова с ратными же людьми¹⁰¹. Отметим также, что шамхал укрывал у себя Юсуфовичей, и Исмаил-бий жаловался Ивану по этому поводу¹⁰². Одним словом, поводов для того, чтобы воспользоваться по отношению к шамхалу «дипломатией стрельцов», хватало. И набег Черемисинова должен был продемонстрировать ему, что не стоит конфликтовать ни с Темрюком, ни с Исмаил-бием, а также сильно подумать, прежде чем предпринимать какие-либо шаги по сближению с Крымом, ибо теперь, когда Астрахань и устье Волги под

властью русского государя, длинная рука Москвы может дотянуться и до его владений и столицы.

Судя по всему, бывший астраханский воевода успешно справился с задачей. Прибыв со своими людьми в Астрахань к началу лета, Иван Черемисинов взял с собой в дополнение к своим стрельцам и казакам «астороханских людей» и на стругах спустился вдоль западного побережья Каспия к югу с целью атаковать «Шавкальского князя». Путь вниз по Волге и далее морем из Астрахани до Тарков, резиденции шамхала, занимал около шести дней¹⁰³. По прибытии на место Черемисинов приказал высадить десант и, видимо, лично возглавил его в походе на Тарки, находившиеся в двух верстах от берега. Шамхал уже ждал их, засев в укреплениях города. О внешнем виде Тарков можно судить по описанию, сделанному в самом начале XVII в. Согласно ему, Тарки «изстари бывал город каменной, стоит на горе; а та гора поотошла от болших гор к морю гребенем, и по ней лес большой, а вверх ее сажен с 30, и ныне на той горе на само верху стоит башня каменная и с тое башни мочно очищать из наряду до моря и на все стороны. А с одну сторону у той горы от моря залом каменной, самородной, а под заломом внизу от верху сажен з 20 и болши стоит на той же горе двор шевкалов, полаты каменные и избы. Да туту ж с одново края позади шевкалова дворя башня другая каменная да городище старое. З дву сторон горы стена была каменная... А ниже шевкалова двора на самом низу мечет каменная». Сам же город был небольшой — в начале XVII в. около 300 дворов¹⁰⁴.

Из этого описания следует, что Тарки вовсе не были такой уж сильной крепостью, подобной той же Казани, и, находясь в достаточно труднодоступном, укрепленном самой природой месте, могли служить более или менее надежной защитой только против горцев, не имевших в достаточном количестве огнестрельного оружия и тем более «наряда». Противостоять же русским стрельцам и казакам, бравшим и не такие крепости, Тарки не могли. Понимал это и шамхал, поэтому, по словам летописца, «шалкаской князь с царя

и великого князя людми бился половину дня и побежал от них в горы, а город Тарки покинул». Русские и астраханцы заняли город, разграбили его и сожгли, после чего со взятым полоном и награбленным имуществом Черемисинов и его люди вернулись обратно к берегу, где их ждали струги, беспрепятственно погрузились в них и вернулись в Астрахань «со всеми людми здорово»¹⁰⁵.

По возвращении из таркинского похода Ивана Черемисинова ждала новая служба, «именная». «В лето 7070», то есть в 1561/1562 г., он был первым воеводой «на годованьи» в городке Белом на русско-литовской границе¹⁰⁶. Увы, даже при отличном послужном списке и большом опыте как вождения полков в бой, так и дипломатической работы, выдвинуться на первые роли в военной иерархии Русского государства таким людям, как Иван Черемисинов, в то время было невозможно. Даже не всякий боярин или окольный из старой, веками служившей московским государям фамилии, мог тогда стать полковым воеводой¹⁰⁷. Что уж там говорить о детях боярских, пусть даже и выборных. Сотенный голова, городской воевода, и то, как правило, в небольшом городке где-нибудь на «украине», или, в лучшем случае, воевода при «наряде» либо рати «лехкой» или «плавной» — вот тот потолок, выше которого сын боярский, хотя бы и из весьма приличной семьи, прыгнуть не мог. Чтобы изменить такое положение, было недостаточно даже воли самого Ивана Грозного.

Все это может быть отнесено и к судьбе героя нашего повествования. В начале 1560-х гг., разменяв пятый десяток лет, Иван Черемисинов при всех его знаниях и талантах, не мог рассчитывать на дальнейший карьерный рост в русском войске того времени. И в подтверждение этого можно привести еще один факт из биографии нашего героя — в январе 1561 г. его снова можно было увидеть среди приставов, что встречали литовских послов в Дорогомилове на московской окраине, «от посадских дворов с перестрел»¹⁰⁸. Конечно, встречать иноземных послов на окраине Москвы и далее пребывать вместе с ними в столице дело более почетное, нежели ехать за ними на «украину» и

сопровождать их оттуда к сердцу Русского государства, но все же это не то, совсем не то, что было раньше, когда в руках астраханского воеводы Черемисинова были жизнь и смерть сотен и тысяч людей. Однако царь вспомнил о своем верном слуге, когда начал собираться в поход против великого литовского князя Сигизмунда II на Полоцк: « сентября 28 (1562 г. — В.П.) царь и великий князь велел бытии на зимнюю службу с собою готовым с годовых служб... з Белой — Ивану Семенову сыну Черемисинову»¹⁰⁹.

Полоцкий поход 1562/1563 гг. стал одной из самых крупных, если не самой большой военной экспедицией, предпринятой в годы правления Ивана Грозного. Сравниться с ним могут, пожалуй, лишь Казанское «взятие» 1552 г. и «выход» самого Ивана на «берег» весной 1559 г. Специального, полноценного исследования истории взятия Полоцка пока нет, хотя этой страницы русской истории неоднократно в большей или меньшей степени касались практически все крупные отечественные историки, занимавшиеся историей России времен Ивана Грозного. Не останавливаясь подробно на перипетиях этого грандиозного военного предприятия, посмотрим, как и в какой роли участвовал в нем Иван Черемисинов. Согласно разрядным записям, на этот раз он находился в свите царя, будучи назначен «за государем ездити». Таких «флигель-адъютантов» было 11 человек, в том числе столь известные по летописям и разрядным записям личности, как князь И.П. Шуйский, Ф.А. Басманов, Ш. Кобяков, И. Блудов, Ф. Вокшерин. Возглавлял их князь П.А. Горбатый¹¹⁰. Как оказался наш герой в такой заслуженной компании — можно лишь догадываться. Предположим, что тут сыграло свою роль особое отношение царя к Черемисинову, служба которого прошла на его глазах. Сделать Ивана воеводой Иван Грозный не мог — слишком много родовитых аристократов претендовало на эту должность, поставить во главе сотни детей боярских заслуженного ветерана было бы для него не достойно, а вот причислить к своей свите, пожалуй, оказалось в самый раз.

Возвращаясь к истории Полоцкого «взятия», отметим, что на этот раз военным знаниями и опыту Ивана Черемисинова применения не нашлось, так как знатоков осадного дела хватало и без него. Иван Грозный решил использовать Черемисинова на другом поприще, памятуя о его успешной деятельности в качестве «переговорщика» в бытность начальником охраны при Шигалее и воеводства в Астрахани. И вот тут произошел весьма интересный и вместе с тем загадочный эпизод — в источниках по-разному описывается участие Ивана в переговорах с полоцкими начальными людьми. Одна версия, благоприятная по отношению к Черемисинову, содержится в частных разрядных книгах, а другая, в которой на первое место выдвигается будущий опричник М. Безнин — в официальном летописании. Итак, рассмотрим их обе и попытаемся найти «золотую середину», памятуя о том, что истина, как правило, находится между крайностями.

Для начала немного хроники Полоцкого похода. 30 ноября 1562 г. Иван Грозный вступил из Москвы на «свое дело и на земское». Полоцкая эпопея официально могла считаться начавшейся, хотя ратные люди давно уже находились в движении, стягиваясь в места, назначенные для сбора вдоль литовско-русской границы. Марш главных сил русского войска к цели был долгим и тяжким — масса ратных людей, «наряд», посоха и обоз с трудом продирались по единственной заснеженной дороге. Однако, несмотря на все трудности, в последних числах января 1563 г. царские полки вышли, наконец, к Полоцку и приступили к его обложению. Сам государь прибыл 30 января, а на следующий день начались осадные работы, которые шли всю первую неделю февраля. Кольцо осады постепенно сжималось, русская артиллерия приступила к бомбардировке полоцкого посада и замка. 8 февраля полоцкий воевода Станислав Довойна приказал оставить посад, предварительно подпалив его. Сидевшие в шанцах против посада дети боярские со своими послужильцами, стрельцы и казаки, как писал летописец, «палися на полотцских животех», то

есть попросту не выдержали зрелища гибнущей добычи, на которую они так рассчитывали, и полезли в пылающий острог, завязав бой с жолнерами Довойны. Иван, пристально наблюдавший за развитием событий, приказал «тех людей побережи и людей из острогу выслати», что и было исполнено¹¹¹.

Последующие несколько дней прошли без особых происшествий — русские продолжали вести осадные работы и устанавливали на позициях подтянувшуюся к тому времени тяжелую осадную артиллерию. 10 февраля полочане попытались сделать вылазку, но были «вбиты» обратно в замок, а на следующий день по приказу царя русские заняли посад и установили туры и батареи в непосредственной близости от полоцкой цитадели. Дни литовского Полоцка были сочтены, надежд на то, что великий литовский гетман Н. Радзивил Рыжий сумеет если не заставить русских отступить, то, по крайней мере, прорвет блокаду, у полочан не оставалось. К вечеру 14 февраля бомбардировка Полоцка русской артиллерией достигла своего апогея. «Во многих местех у города стену пробили и ворота Великие выбили, — так оценивались результаты ее работы в разрядных записях, — и с обломков людей литовских сбили, а в городе многих людей из норяду побили». Поскольку неприятель продолжал отказываться сложить оружие, Иван Грозный «о вечерне» отдал приказ воеводам, «чтоб они стрелцом велели городовую стену в местех в пяти и во шти зажечь, в которых местех будет пригоже часы за три или за четыре до света»¹¹². Надо полагать, пожары, которые надлежало зажечь стрельцам, должны были стать сигналом к началу общего штурма Полоцка. Однако Довойна не стал дожидаться, когда начнется приступ, прекрасно понимая, чем он закончится. «Часа за два до света» он дал знать русским воеводам, что намерен сложить оружие и отворить ворота Полоцка. Вечером 15 февраля 1563 г. царские воеводы князя В.С. Серебряный и П.И. Горенский с 12 тыс. детей боярских и стрельцов вошли в город и начали приводить его в порядок, подготавливая торжественный въезд Ивана Грозного в свою «отчину»,

который и состоялся спустя три дня, 18 февраля 1563 г.¹¹³

Какую же роль во всех этих событиях сыграл Иван Черемисинов? Обратимся сперва к летописи, поскольку Ю.В. Анхимюк привел веские доводы в пользу того, что именно летописная повесть о взятии Полоцка легла в основу записей в частных разрядных книгах, повествующих об этой странице русской военной истории¹¹⁴. Согласно тексту Лебедевской летописи, 5 февраля полоцкий воевода Станислав Довойна отправил к воеводам Большого полка князьям И.Д. Бельскому и П.И. Шуйскому парламентаров шляхтичей Я. Быстрицкого и В. Грибуна, а также писаря Л. Гарабурду. Посланцы просили воевод сообщить Ивану Грозному, чтобы тот отдал приказ прекратить огонь «и срока бы дал, а пан Довойна хочет царю государю кликати и бити челом».

Царь откликнулся на предложение полоцкого воеводы, направив на переговоры с его людьми своего «флигель-адъютанта» Ивана Черемисинова и сына боярского Василия Розладина. Выслушав предложения полоцкого воеводы, Черемисинов отправился к Ивану Грозному, сообщив тому, что де полоцкие посланцы «бьют челом царю и великому князю..., чтобы им царь и велики князь милость показал на крестьяны, розлитие крове крестьянские велел бы уняти, а дал бы срока не неделю, а пан Довойна, со всею землею умысля, царю и великому князю хочет бити челом»¹¹⁵. Увы, за пересылками и разговорами минуло немало времени, дело шло к ночи — Черемисинов прибыл к царю «часа за два до вечера». Поэтому государь приказал прекратить канонаду до утра. Правда, он тут же отдал и другой приказ — продолжать осадные работы и завершить постановку туров вокруг Полоцка.

Утром следующего дня Черемисинов был оправлен царем обратно к стенам Полоцка на встречу с В. Грибуном и Л. Гарабурдой. Последние заявили, что полочане бьют челом государю и просят перемирия до вторника «того для, что в городе многие люди, и со всеми с теми людьми переговорити и уложити, как им бити челом государю, занеже деи, пане, то дело великое, не уговорся со

всеми людьми, того дела делати нелзе». В итоге и суббота прошла в бесплодных разговорах и пересылках, дело же не сдвинулось ни на йоту. Иван, начиная терять терпение, согласился дать Довойне срок на размышления до утра воскресенья 7 февраля¹¹⁶.

Воскресным утром Черемисинов снова, как и накануне, стоял под стенами полоцкого острога, ожидая ответа Довойны. И снова, как и прежде, В. Грибун и Л. Гарабурда стали «бить челом» царскому посланцу, «чтобы государь пожаловал, дал им сроку до вторника». Царь, который начал терять терпение, — для него стало очевидно, что Довойна, вступив с ним в переговоры об условиях сдачи, просто тянет время, надеясь на помощь со стороны Радзивилла, — отправил якобы от своих дворовых воевод боярина И.П. Яковли и князя П.И. Горенского сына боярского М. Безнина, дозорщика и ясоула из своей свиты, поторопить переговорщиков. Безнин, приехав, заявил буквально следующее, причем создается впечатление, что перед нами чуть ли не дословная запись его прямой речи: «Прытко будет с полотцскими людьми дело и они бы делали ранее, а не будет дела, и они розъехалися и государевым бы делом промышляли; а государеве рати без дела про что томится».¹¹⁷

И вот на этом месте начинаются расхождения между летописным повествованием и разрядной повестью. Согласно летописи, переговоры между русскими и литовскими представителями закончились тем, что посланцы Довойны договорились все же о продлении перемирия «до утра до понедельника» с тем, чтобы «тое ночи пан (то есть Довойна. — В.П.) со всеми людьми переговорит и на чем уложат, и завтра паны из города к воеводам из города выедут». Надо полагать, что царь согласился на такой шаг, хотя для него и было очевидно стремление полоцкого воеводы потянуть время, по той простой причине, что «большой наряд» был еще на подходе и прибыл только к вечеру воскресенья 7 февраля, а без него поставить жирную точку в осаде Полоцка было сложно¹¹⁸.

На утро же понедельника М. Безнин, прибывший под стены полоцкого острога, встретился с В. Грибуном, который заявил, «что де люди многие, а мыслями своими шатаются; иные люди бити челом хотят, а иные не хотят, и просил сроку на неделю», после чего по Безнину «учали з города из наряду стреляти». Государев посланец поторопился вернуться в царскую ставку, где и доложил о результатах переговоров, после чего Иван приказал начать обстрел города и острога из прибывших пушек и мортир «большого наряда»¹¹⁹.

Так выглядит официальная версия переговоров между представителями Ивана Грозного и Довойны. Как можно заметить из этого описания, Черемисинов, игравший на первых порах ведущую роль в этих переговорах, с 7 февраля был оттеснен на второй план, а потом и вовсе отстранен от ведения переговоров. По крайней мере, такое складывается впечатление при чтении летописного текста. Однако иначе обстоит дело в разрядной повести. Вернемся обратно, в 7 февраля 1563 г., к тому моменту, когда в разговор между Черемисиновым и Грибуном вмешался царский посланец. Безнин, как мы помним, потребовал быстрее завершать разговоры и дать ответ — «да» или «нет». В ответ он услышал от Черемисинова буквально следующее: «Вы, молодцы молодые, смышляете битися; и ты поеди прочь, а дай нам с Лукашом поговорити; а крестьянской крови про что литися, нечто бы дело зделалось без крови»¹²⁰.

Интересный поворот сюжета. Д.М. Володихин, автор биографии М. Безнина, анализируя разрядную версию переговоров, писал, что при ее чтении «создается впечатление, что мудрый Черемисинов одернул не в меру горячего Безнина, к тому же унизив его званием «молодца молодого» по сравнению с собой, старшим», подчеркнув при этом, что «возвеличивание Черемисинова, к тому же идущее за счет унижения Безнина, который действовал по воле командования и самого царя, выглядит неестественно». Потому-то историк пришел к выводу, что именно Безнин приложил руку к составлению заготовки,

что легла в основу будущей официальной версии полоцкой осады, а вот кто-то из рода Черемисиновых постарался впоследствии отредактировать разрядную версию, «исправляя негативное впечатление от его (Безнина. — В.П.) деятельности»¹²¹.

Соглашаясь с такой реконструкцией взаимосвязи текстов, поскольку для нас это не принципиально, зададимся все же вопросом — как же в действительности обстояло дело? Какой сценарий развития событий выглядит более реалистичным и имел место быть в реальности? Если внимательно перечитать еще раз обе версии, то складывается впечатление, что разрядная повесть все же точнее отражает перипетии переговоров. Почему? Прежде всего отметим, что, как указывал Б.М. Клосс, есть две версии относительно времени создания Лицевого свода, из которого летописная повесть о взятии Полоцка попала в Лебедевскую летопись — конец 60-х гг. и вторая половина 70-х — начало 80-х гг. XVI в.¹²² Ни в том, ни в другом случае Иван Черемисинов никак не мог иметь отношения к редактированию текста летописи — в первом потому, что он, судя по всему, еще не был в опричнине, а во втором по той простой причине, что наш герой умер примерно в конце 1573—1574 гг. Но это косвенный аргумент, и к тому же довольно зыбкий. А вот другой довод представляется более весомым. Для начала сравним карьеры и статус Черемисинова и Безнина. Иван к 1563 г. был на государевой службе по меньшей мере почти два десятка лет и хотя по объективным причинам не мог подняться на вершину московского военно-политического Олимпа, тем не менее, сделал блестящую для людей его круга и происхождения карьеру. В послужном списке Черемисинова и должность одного из первых стрелецких голов, и «казанская» служба, и астраханская «посылка», и экспедиция на Кавказ. За эти полтора с гаком десятилетия он не раз оказывался в эпицентре важнейших событий и политических интриг, по праву мог считаться одним из опытнейших и искушенных царских воевод и дипломатов.

А что же Безнин, что он мог бросить на чашу весов против черемисиновских авторитета и опыта? По большому счету ничего. До Полоцкого похода он не занимал никаких серьезных должностей и его служба была, как говорится, «не видна». Будучи занесен в «Дворовую тетрадь» и в «Тысячную книгу», на страницах разрядов он появляется в качестве сотенного головы лишь в 1559 г., да и в полоцком разряде его должность уступала по весу той, что занимал Черемисинов. К тому же складывается впечатление, что Безнин пусть и ненамного, но все же был моложе, чем Черемисинов. Поэтому вовсе не кажется такой уж невозможной та история, что рассказана в разрядной повести. И в самом деле, умудренный военным и дипломатическим опытом, давно поседевший на государевой службе царский «флигель-адъютант» ведет сложные переговоры, и тут в них встречается молодой, да ранний Безнин, и пытается диктовать Черемисинову и его контрагентам, как и о чем дальше вести разговор.

Реакция Ивана в таком случае была вполне очевидна — он одернул не в меру прыткого ясоула и поставил его на место, твердо держа ход переговоров в своих руках. И тот факт, что перемирие в итоге было продлено до утра понедельника 8 февраля, то есть еще на сутки, говорит о том, что все же действия Черемисинова, а не Безнина, были в конце концов одобрены царем, и, следовательно, разрядная повесть выглядит более реалистичной, нежели летописная версия. Ее мы и будем дальше придерживаться, отметив, правда, что нельзя исключить и такой поворот сюжета — Иван Грозный, натура артистичная, разыграл перед литвинами спектакль с «плохим» (Безнин) и «хорошим» (Черемисинов) «следователями», стремясь добиться желаемого результата без применения крайних мер. Безнин же не забыл про этот эпизод и потом постарался отыгаться при составлении летописи.

Но вернемся обратно к разрядной повести. Согласно ей, утром 8 февраля царь отправил Ивана Черемисинова к стенам Полоцка узнать, что надумали

паны. Ответ был неблагоприятный — В. Грибун заявил, что о сдаче речи быть не может и нужно еще время, хотя бы неделя, чтобы Довойна мог дать окончательный ответ. На слова же Ивана, что де «вчера, естя били челом, а хотели свое дело свершено учинить, а ныне хотите слов своих переменить», Грибун заявил, что «с чем де меня из города паны выслали, и яз то и говорю»¹²³. Произнеся их, литвин поворотил коня и скрылся за закрывшимися воротами, а по Черемисинову сделали несколько выстрелов из пищалей с крепостной стены. Теперь уже ни у кого не оставалось сомнений в том, какова позиция Довойны и стоит ли ждать, когда он капитулирует. Когда же вскоре после того, как обстрелянный из пищалей Черемисинов вернулся в царский шатер, запыхавшийся посад, подоженный жолнерами полоцкого воеводы и началась поспешная эвакуация его жителей в замок, последние надежды на относительно мирный исход развеялись окончательно. Иван Грозный решил пустить в дело «последний довод королей».

И «*Ultima ratio regis*» оказался убедительнее, чем все слова, произнесенные до этого. После того, как 9 февраля заговорили пушки «большого наряда», исход осады стал очевиден. Сосновые городни и башни полоцкого замка не выдерживали мощного огня русской артиллерии и Довойна решил капитулировать. Снова, как и неделей раньше, в переговорах об условиях сдачи Полоцка активную роль играл Иван Черемисинов. Утром 15 февраля Довойна, не дожидаясь начала штурма города, дал знать царским воеводам о своей готовности сложить оружие. Дальше события пошли по нарастающей. К городу были снова посланы В. Разладин, И. Черемисинов и М. Безнин с требованием, «чтоб из города вышел владыка Арсеней Полоцкой, и Давоин воевода, и дворяне, и все лутчие люди, и рохмистры, и полковники, и город бы государю здали, и государская к ним милость будет». Спустя час царские посланцы вернулись, сообщив, «что владыка Арсеней Полоцкой из города вышел к воеводам со кресты и собором. А Давоин воевода и дворяне, и все лутчие люди

просят у государя милости, чтобы государь милость показал, розводу им не учинил и отпустил бы их в свою землю»¹²⁴.

Выслушав челобитье полочан, Иван Грозный отправил с ответом обратно Черемисинова, которому «велел говорити: толко не выдет из города Давоин воевода и дворяне, и все лутчие люди, и стрельба в город не перестанет». И чтобы подстегнуть полоцкого воеводу и его советников, сделав слова своего посланца более весомыми, царь приказал продолжить обстрел города, мешая полочанам тушить пожары. Прошел еще час, и Довойна с «лутчими людми» вышел из Полоцка. Иван Грозный послал к ним Черемисинова, приказав тому препроводить Довойну, Арсения и иных полочан « в свой шатер в большой». Спустя еще час «Иван Черемисин со владыкою и з Довоином и с королевскими дворяны к государю приехали».

В дальнейших событиях наш герой, судя по всему, уже не играл сколько-нибудь значительной роли — и без него хватало тех, кто желал вкусить славы полоцкого «взятья». Можно лишь предположить, что Иван Черемисин среди «всего воинства» присутствовал на аудиенции, которую дал Иван Грозный Довойне, Арсению и их свите в тот же день 15 февраля¹²⁵. Кстати, с Довоной, Быстрицким и Гарабурдой нашему герою довелось увидеться еще раз в декабре 1563 г., когда Черемисин присутствовал при встрече литовских послов во главе с Ю. Ходкевичем с полоцкими пленниками «в большой в набережной полате» в Москве¹²⁶.

Говоря об участии Ивана Черемисинова в полоцкой кампании, нетрудно заметить, что в ней он действовал уже не как воин, а как дипломат, и, судя по всему, в дальнейшем его карьера развивалась на дипломатическом поприще и при царском дворе. Так, год спустя после взятия Полоцка, в феврале 1564 г., Черемисин ездил по царскому поручению в Калугу, где находился задержанный в ожидании размена послов крымский посол Джан-Болды и доставил его обратно в русскую столицу, а потом присутствовал на его приеме

Иваном Грозным¹²⁷. К этому времени Иван уже достиг чина думного дворянина («дворянин, который в Думе») — пожалуй, высшего чина, которого мог добиться в то время человек с его родословной и заслугами¹²⁸. Кажется, что в думные дворяне Черемисинов был пожалован царем за его заслуги в Полоцком походе. Правда, затем в карьере Ивана происходит непонятный сбой. С учреждением опричнины его младший брат Федор был сразу записан в ряды опричников, а вот Иван почему-то нет. Более того, им было утрачено поместье, село Петрово Городище в Суздальском уезде, которым он и его отец Семен владели больше 100 лет, отошедшее записанным в опричнину князьям С.И. и Т.И. Вяземским¹²⁹.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в 7070 (то есть в 1566/1567) г. Иван подписал данную грамоту на свою вотчину, село Адамцево в Юрьевском уезде, Спасо-Евфимьеву монастырю «по своих родителех по Семене Васильевиче Черемисинове, во иноцех Серапионе, и по своей матери Олене, и по брате по своем Василье (интересно, что в этой грамоте Иван называет брата Василием, хотя по остальным документам он зовется Федором. — В.П.), и по себе, по Иване..., по себе и по своих родителех впрок без выкупа в вечное поминанье безконечных ради благ наслаждения». При этом наш герой оговорился, что «дал есми ту вотчину в Спасов монастырь после своего живота. А докуде яз жив, и жити, и пахати то сельце мне, Ивану»¹³⁰. Чем вызван это шаг Ивана Черемисинова — остается только гадать. Опасался ли он царской опалы, или серьезно заболел и потому, чувствуя приближение смерти, решил заблаговременно побеспокоиться о спасении души — кто знает?

Кстати, история с Адамцевым позволяет сделать некоторые выводы относительно имущественного положения думного дворянина. Эту вотчину Черемисинов купил в 7064 (1555/1556) гг. у А.Д. Басманова за 400 (sic — !) рублей и в придачу дал продавцу еще и коня¹³¹. Для сравнения — в 1557 г. четверть ржи стоила в Суздальском уезде 40 московских денег, а в Москве

годом ранее — 22 деньги. Соответственно, это равнялось 20 и 11 коп., следовательно, за 400 руб. и коня можно было купить или 2 тыс., или 3,6 тыс. четвертей ржи, а на это количество зерна могли прокормиться в течение года 83 или 150 человек. Надо полагать, что покупка вотчины Черемисиновым стал результатом его «казанской» службы — трофеев, взятых тогда, ему хватило на то, чтобы расплатиться за столь ценное приобретение. Интересно, для сравнения — отец Ивана Семен в апреле 1541 г. сделал вклад в Троице-Сергиев монастырь размером 49 руб., 31 алтын и 4 деньги¹³². Сумма, которую отдал монахам на помин души Семен, на порядок уступала той, которую передал Иван, да и сам «некруглый» ее размер позволяет предположить, что старший Черемисинов явно был не слишком богатым человеком. Так что, если наше предположение верно, можно утверждать, что успешная карьера Ивана сопровождалась и ростом его материального достатка.

Но вернемся обратно к нашему герою. Несколько слов о его личной жизни. К сожалению, пока в нашем распоряжении нет никаких сведений о том, когда женился Иван Черемисинов и кто была его жена. Мы знаем лишь, что у Ивана было два сына — старший Деменша и Демид, который родился не позднее начала 50-х гг. Это следует из того, что в январе 1571 г. Демид Черемисинов приезжал в Новгород по приказу государя забирать собранную посредством правежа казну¹³³. Надо полагать, что безусому юнцу не поручили бы столь ответственного и важного задания, значит, можно смело предположить, что к тому времени ему было не меньше 20 лет и его отец состоял в браке по меньшей мере столько же.

Ивану Черемисинову удалось пройти невредимым через бури второй половины 1560-х гг., и, судя по всему, когда Иван Грозный после новгородского похода решил «укрепить» свежими кадрами опричнину, он вспомнил о своем верном слуге. Черемисинов стал одним из первых, кто был тогда вписан в ряды «кромешников». Во всяком случае, уже в мае 1570 г. он

присутствовал среди прочих «дворян, которые живут у государя з бояры» на заседании земской и опричной боярских Дум, когда обсуждался вопрос о полоцких рубежах. Примечательно, что в списке опричных думных дворян Черемисинов был третьим, предшествуя Василию Грязному и самому Малюте Скуратову¹³⁴. Правда, спустя меньше чем через полгода непорядок был исправлен — в разрядной росписи государева похода на берег, навстречу наступающему с юга по донесениям сторожей крымскому «царю» Девлет-Гирею, Иван Черемисинов, сопровождавший царя среди прочих «в стану у государя дворян» оказался пятым, позади Василия Грязного и Малюты Скуратова¹³⁵.

Вообще, начало 1570-х гг. оказалось для Черемисинова чрезвычайно насыщенным событиями. Нет, он больше «не вседает в седло» и не водит царские рати на супостатов — его служба проходит при дворе, в непосредственной близости к государю, о чем свидетельствуют постоянные упоминания его имени рядом с самим Малютой Скуратовым. И, находясь в ближнем окружении царя, Иван выполняет разного рода царские поручения, прежде всего дипломатические — встречает послов, сопровождает их к государю, участвует в переговорах и так далее. Например, в декабре 1570 г. Черемисинов доставил крымских гонцов, минуя Москву, в Александрову слободу, затем в январе 1572 г. вместе с Малютой Скуратовым присутствовал на переговорах со шведскими послами, а месяцем позже участвовал в переговорах с другим крымским гонцом Джан-Мухаммедом наряду с Малютой Скуратовы и дьяком Андреем Щелкаловым¹³⁶.

Нельзя исключить также, что Иван Черемисинов сопровождал царя в неудачной для русского воинства кампании 1571 г., когда Девлет-Гирей сумел выйти к самой Москве и сжечь ее, опустошив на обратном пути уезды к югу от столицы. Но если это не более чем предположение, то совершенно точно Черемисинов «явил» царю крымского гонца Девлет-Килдея в июне 1571 г. в

селе Братошино на том самом памятном приеме, о котором потом рассказывали легенды¹³⁷.

В памятном для русского оружия 1572 г., когда русским полкам под началом князя М.И. Воротынского удалось наголову разгромить Девлет-Гирея, Иван Черемисинов сопровождал государя в его новгородской поездке. Накануне же решающих событий царь в начале июля отправил «на берег перед царевым приходом к бояром и воеводам и ко всей рати московской и новгороцкой с своим государевым жалованным словом и з денежным жалованьем князь Осипа Михайловича Щербатова Оболенсково, да Ивана Черемисинова, да думново дьяка Ондreja Щелкалова. И князь Осип Щербатой государевым словом бояром и воеводам и всей рати говорил, чтоб государю служили: «а государская милость к вам будет и жалованье»; и поехали к государю...»¹³⁸. Инспекционный характер этой поездки не вызывает сомнения, равно как и стремление Ивана приободрить засидевшихся и притомившихся от вынужденного безделья ратных людей государевым жалованием и обещаниями будущих милостей и наград. То, что среди посланных в этот чрезвычайно ответственный момент был Черемисинов, свидетельствует о доверии, которое испытывал царь к нему в это время.

Но эта служба оказалась для Ивана предпоследней. Последний же раз в документах имя нашего героя можно встретить в росписи государева похода зимой 1572/1573 гг. под Пайду, где он был назван первым среди тех дворян и детей боярских, кто должен был «в стану у государя спати в головах, у ношных в сторожей быти им же, а с ними расписаны стольники и стряпчие, и жильцы»¹³⁹. Черемисинов по прежнему оставался в числе приближенных царя, но дни его были уже сочтены. Судя по всему, по возвращению из похода под Пайду Иван Черемисинов умер. Во всяком случае, в 7083 (1574/1575) г. сын Ивана Демид «взял» у Спасо-Евфимьева монастыря то самое село Адамцево, что завещал на помин своей душе монахам его отец почти десять лет назад¹⁴⁰. К

сожалению, когда, где и при каких обстоятельствах закончил свой век Иван Черемисинов, а умер он разменяв шестой десяток лет, что для сына боярского того времени был достаточно почтенный возраст, где упокоилось его брренное тело — неизвестно. Можно лишь предположить, что похоронен он был в Спасо-Евфимьевом монастыре, куда в свое время сделал вклад на помин своей души.

Стрелец, втор. пол. XVI в. Рис. А.В. Красникова.

Черемисинов зимой 1573 г. Рис. А.В. Красникова.

Стрелец, втор. пол. XVI в. Рис. А.В. Красникова.

¹ Русский хронограф // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). — М., 2005. — Т. XXII. — С. 532.

² В источниках эпохи Ивана Грозного по отношению как к стрелецким, так и к казацким частям единого названия, судя по всему, еще не утвердилось. Их называют и «статьями» (как в том же «Русском хронографе»), и «приборами» (см., например: Буганов В.И. «Взятие полоцкое Литовские земли» — описание похода 1563 г. в разрядной книге Музейного собрания // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. — М., 1969. — Вып. 31. — С. 216; Документы Ливонской войны // Памятники истории Восточной Европы. — М.—Варшава, 1998. — Т. III. — С. 24—26; Никоновская летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. XIII. — С. 354), и «приказами» (Анхимюк Ю.В. Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах // Русский дипломатарий. — М., 2004. — Вып. 10. — С. 163).

³ Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. — М., 2008. — С. 91.

⁴ См.: Глазьев В.Н. Опора царской власти: стрельцы и их начальники в XVI в. // Российская монархия: вопросы истории и теории. — Воронеж, 1998. — С. 90—92; Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. — С. 90—91; Черемисинов-Караулов, Иван Семенович // Русский биографический словарь. — СПб., 1905. — Т. XXII. — С. 159.

⁵ Эти источники довольно четко делятся на несколько основных групп. Прежде всего это летописи, напр.: Никоновская летопись // ПСРЛ. — М., 2000 — Т. XIII; Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись // ПСРЛ. — М., 2009. — Т. XXIX. Не менее интересны и посольские книги, прежде всего, конечно, по связям с Ногайском Ордой: Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.). — Казань, 2006. Также важны разрядные записи: Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). — М., 1901; Разрядная книга 1598—1638 (далее — РК). — М., 1974;

Разрядная книга 1550—1636. — М., 1975. — Т. I.; Разрядная книга 1559—1605. — М., 1974 и др. Наконец, это и актовые материалы, например: Кобрин В.Б. Несколько документов по истории феодального землевладения XVI века в Юрьев-Польском уезде // Археографический ежегодник за 1957 г. — М., 1958. — С. 467—477.

⁶ Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. — С. 90.

⁷ См.: Новиков Н.И. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. — М., 1787. — Ч. II. — С. 323, 400.

⁸ См.: Памятники истории русского служилого сословия. — М., 2011. — С. 171.

⁹ См.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. — М., 1952. — Т. I. — С. 245—246.

¹⁰ Процесс мельчания вотчин описан С.З. Черновым на примере эволюции вотчинного землевладения в Волоке Ламском в XIV — нач. XVI вв., см.: Чернов С.З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. Структуры землевладения. — М., 1998. — С. 296—323.

¹¹ См.: Стрельников С.В. Землевладение в Ростовском крае. — М.—СПб., 2009. — С. 102.

¹² Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. — М.—Л., 1950. — С. 64, 153. О поместье отца Ивана Черемисинова Семена Васильева сына Черемисинова см., напр.: Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. — Киев, 1860. — Т. I. — С. 237.

¹³ Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. — С. 237.

¹⁴ Розанов С.П. Материалы по истории русских Пчел // Общество любителей древней письменности. Памятники древней письменности и искусства. — М., 1904. — Вып. CLIV. — С. 33.

¹⁵ ПСРЛ. — Т. XXIX. — С. 59.

-
- ¹⁶ Атаман Северга Баскаков позднее погибнет во время третьей казанской экспедиции в 1552 г.: Выдержка из синодика «по убиенных во брани» // Памятники истории русского служилого сословия. — М., 2011. — С. 203.
- ¹⁷ ПСРЛ. — Т. XIII. — С. 164.
- ¹⁸ Выдержка из синодика Архангельского Кремлевского собора // Памятники истории русского служилого сословия. — С. 186.
- ¹⁹ Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. — М., 2006. — Т. XXVI. — С. 325; История о Казанском царстве (Казанский летописец) // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. XIX. — Стб. 62.
- ²⁰ ПСРЛ. — Т. XXIX. — С. 63—65.
- ²¹ Там же. — С. 65—66.
- ²² ПСРЛ. — Т. XIX. — Стб. 86.
- ²³ См., напр.: Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — М., 1991. — С. 139.
- ²⁴ ПСРЛ. — Т. XIII. — С. 172.
- ²⁵ Там же. — С. 174.
- ²⁶ Там же. — С. 173.
- ²⁷ См., напр.: Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. — М., 2002. — С. 252.
- ²⁸ ПСРЛ. — Т. XIII. — С. 173—174.
- ²⁹ ПСРЛ. — Т. XXIX. — С. 70.
- ³⁰ ПСРЛ. — Т. XIII. — С. 175.
- ³¹ Там же. — С. 175.
- ³² Львовская летопись // ПСРЛ. — М., 2005. — Т. XX. — С. 492.
- ³³ Там же. — С. 494.
- ³⁴ ПСРЛ. — Т. XIII. — С. 198.
- ³⁵ Там же. — С. 201.
- ³⁶ ПСРЛ. — Т. XIII. — С. 97; ПСРЛ. — Т. XXIX. — С. 94; РК 1475—1605. — М., 1978. — Т. I. Ч. III. — С. 418—419.

³⁷ Курбский А.М. История о великом князе Московском. — СПб., 1913. — Стб. 19; ПСРЛ. — Т. XXIX. — С. 94.

³⁸ См., напр.: ПСРЛ. — Т. XIII. — С. 202—203.

³⁹ Там же. — С. 203.

⁴⁰ Примечательно, что и в Полоцком походе 1562/1563 гг. выдвижение русских полков на позиции под Полоцком также проходило под прикрытием шедших впереди стрелецких приказов (См., напр.: Анхимюк Ю.В. Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах // Русский дипломатарий. — М., 2004. — Вып. 10. — С. 163). Стоит ли полагать, что это был стандартный тактический прием, использовавшийся русскими воеводами того времени при обложении городов?

⁴¹ См., напр.: Курбский А.М. История о великом князе Московском. — Стб. 22; ПСРЛ. — Т. XXIX. — С. 96.

⁴² ПСРЛ. — Т. XXIX. — С. 98.

⁴³ ПСРЛ. — Т. XIII. — С. 206.

⁴⁴ ПСРЛ. — Т. XIII. — С. 206—297; Т. XIX. — Стб. 452; Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. — Казань, 1877. — С. 7, 9.

⁴⁵ ПСРЛ. — Т. XIII. — С. 207.

⁴⁶ ПСРЛ. — Т. XXIX. — С. 102.

⁴⁷ Курбский А.М. История о великом князе Московском. — Стб. 33. Была ли это «полковая» артиллерия стрелецких приказов, как предположил применительно к осаде Полоцка десятью с небольшим годами позже А.Н. Лобин, или нет — пока на этот вопрос ответа нет. См.: Лобин А.Н. Русская артиллерия в Полоцком походе 1563 года // Балтийский вопрос в конце XV — XVI в. — СПб., 2010. — С. 135).

⁴⁸ ПСРЛ. — Т. XX. — С. 524.

⁴⁹ ПСРЛ. — Т. XXIX. — С. 99—100.

-
- ⁵⁰ Курбский А.М. История о великом князе Московском. — Стб. 25; ПСРЛ. — Т. XXIX. — С. 102—103.
- ⁵¹ См., напр.: Курбский А.М. История о великом князе Московском. — Стб. 30; ПСРЛ. — Т. XIII. — С. 210—211.
- ⁵² ПСРЛ. — Т. XII. — С. 213.
- ⁵³ РК 1475—1605. — Т. I. Ч. III. — С. 426—427; ПСРЛ. — Т. XXIX. — С. 526.
- ⁵⁴ ПСРЛ. — Т. XX. — С. 526.
- ⁵⁵ ПСРЛ. — Т. XIII. — С. 214.
- ⁵⁶ Кунцевич Г.З. Два рассказа о походах царя Ивана Васильевича Грозного на Казань в 1550 и 1552 годах // Памятники древней письменности и искусства. — СПб., 1898. — Вып. СXXX. — С. 33.
- ⁵⁷ ПСРЛ. — Т. XX. — С. 528.
- ⁵⁸ Там же. — С. 530.
- ⁵⁹ ПСРЛ. — Т. XXIX. — С. 115—116.
- ⁶⁰ Если уж стрелецкий голова Я. Бундов за участие в экспедиции против «не прямящих государю» жителей «луговой стороны и арьских мест» в декабре 1553 г. получил «денгу золотую», то за «казанское взятие» заслуги И. Черемисинова должны были быть отмечены никак не меньше. См.: РК 1475—1605. — Т. I. Ч. III. — С. 463—466.
- ⁶¹ См., напр.: ПСРЛ. — Т. XX. — С. 532; Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. — С. 41—42, 44—46.
- ⁶² Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. — С. 49—50.
- ⁶³ РК 1475—1605. — Т. I. Ч. III. — С. 464.
- ⁶⁴ ПСРЛ. — Т. XX. — С. 540.
- ⁶⁵ ПСРЛ. — Т. XXIX. — С. 225.
- ⁶⁶ См., напр.: РК 1475—1605. — Т. I. Ч. III. — С. 468; ПСРЛ. — Т. XX. — С. 545.
- ⁶⁷ См., напр.: ПСРЛ. — Т. XXIX. — С. 226.

-
- ⁶⁸ РК 1475—1598. — М., 1966. — С. 144.
- ⁶⁹ См., напр.: Зайцев И.В. Астраханское царство. — М., 2006. — С. 160—162.
- ⁷⁰ См.: Зайцев И.В. Астраханское царство. — С. 167—168; РК 1550—1636. — Т. I. — М., 1975. — С. 36.
- ⁷¹ ПСРЛ. — Т. XIII. — С. 265—266.
- ⁷² Там же. — С. 266.
- ⁷³ РК 1550—1636. — Т. I. — С. 36.
- ⁷⁴ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.). — С. 187, 188, 195, 199.
- ⁷⁵ См.: Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. — М., 2004. — Вып. 10. — С. 123; ПСРЛ. — Т. XIII. — С. 274.
- ⁷⁶ Новиков Н. Продолжение Древней Российской вивлиофики. — СПб., 1793. — Ч. IX. — С. 154.
- ⁷⁷ Дженкинсон А. Путешествие в Персию 1561—1564 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. — Рязань, 2007. — С. 242.
- ⁷⁸ В 1521 г. 580 астраханских «йигитов», воспользовавшись отсутствием крымского хана Мухаммед-Гирея I, ушедшего в поход на Василия III, подвергли беспощадному опустошению Крым, а в 1553 г. Ямгурчи обещал ногайскому бию Юсуфу послать с ним в набег на «государеву украйну» 500 своих воинов. См.: Зайцев И.В. Астраханское царство. — С. 87; Посольские книги по связям России с Ногайской ордой (1551—1561 гг.). — С. 129.
- ⁷⁹ ПСРЛ. — Т. XIII. — С. 273.
- ⁸⁰ Там же. — С. 274.
- ⁸¹ См., напр.: ПСРЛ. — Т. XXIX. — С. 250.
- ⁸² ПСРЛ. — Т. XX. — С. 576.
- ⁸³ Там же.

-
- ⁸⁴ ПСРЛ. — Т. XIII. — С. 275.
- ⁸⁵ РК 1550—1636. — Т. I. — С. 36—37.
- ⁸⁶ Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию 1558—1560 гг. — С. 206.
- ⁸⁷ ПСРЛ. — Т. XX. — С. 551. И.В. Зайцев, ссылаясь на рукописный сборник из собрания РНБ, дает также цифру «черных и кочевных людей» в 17 тыс., см.: Зайцев И.В. Астраханское царство. — С. 159.
- ⁸⁸ ПСРЛ. — Т. XIII. — С. 277. О восстановлении торгового дела в Астрахани см. также: ПСРЛ. — Т. XX. — С. 585.
- ⁸⁹ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.). — С. 241.
- ⁹⁰ ПСРЛ. — Т. XXIX. — С. 252.
- ⁹¹ ПСРЛ. — Т. XIII. — С. 277.
- ⁹² См., напр.: ПСРЛ. — Т. XX. — С. 584.
- ⁹³ ПСРЛ. — Т. XX. — С. 582; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.). — С. 248.
- ⁹⁴ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.). — С. 247—248, 251, 253, 255—256, 258, 259—260.
- ⁹⁵ Там же. — С. 262.
- ⁹⁶ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.). — С. 265; РК 1550—1636. — Т. I. — С. 37.
- ⁹⁷ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.). — С. 283, 296—298, 313, 323, 324, 326
- ⁹⁸ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. II (1533—1560) // Сборник Императорского Русского исторического общества. — СПб., 1887. — Вып. 59. — С. 563.
- ⁹⁹ ПСРЛ. — Т. XXIX. — С. 284.
- ¹⁰⁰ О системе организации сбора разведывательной информации «украинными» воеводами см., напр.: Малов А.В. Данные московской разведки о восстании

Тараса Федоровича на Украине в 1630 г.: вопросы источниковедения // Юг России и Украина в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Сборник научных трудов VI Международной научной конференции. Г. Белгород, 27-28 октября 2011 г. — Белгород, 2011. — С. 94.

¹⁰¹ См., напр.: Кушева Е.Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. // Исторические записки. — М., 1950. — Т. 34. — С. 261—263. О наступательном плане Ивана Грозного против Крыма на 1560 г. см. наказ царя послу к Исмаил-бегу П. Совину: Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.). — С. 300—301, 303.

¹⁰² Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551—1561 гг.). — С. 313, 316.

¹⁰³ Дженкинсон А. Путешествие в Персию 1561—1564 гг. — С. 242.

¹⁰⁴ Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. — М., 1889. — Вып. 1. 1578—1613. — С. 404.

¹⁰⁵ ПСРЛ. — Т. XIII. — С. 330.

¹⁰⁶ Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). — С. 231; РК 1475—1598. — М., 1966. — С. 196.

¹⁰⁷ См., напр.: Володихин Д.М. Социальный состав русского воеводского корпуса при Иване IV. — СПб., 2011. — С. 118—119.

¹⁰⁸ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. III (1560—1571) // Сборник Императорского Русского исторического общества. — СПб., 1892. — Вып. 71. — С. 23—24, 41.

¹⁰⁹ Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года. — С. 123.

¹¹⁰ См., напр.: РК 1475—1598. — С. 199; РК 1475—1605. — М., 1981. — Т. II. Ч. I. — С. 119.

¹¹¹ ПСРЛ. — Т. XIII. — С. 356; Анхимюк Ю.В. Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах. — С. 166; Буганов В.И. «Взятие Полоцкое

Литовской земли» — описание похода 1563 г. в разрядной книге Музейного собрания. — С. 218.

¹¹² Анхимюк Ю.В. Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах. — С. 168.

¹¹³ ПСРЛ. — Т. XIII. — С. 359.

¹¹⁴ Анхимюк Ю.В. Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах. — С. 157.

¹¹⁵ ПСРЛ. — Т. XXIX. — С. 309—310.

¹¹⁶ Там же. — С. 310.

¹¹⁷ Там же. — С. 310. Ср.: Анхимюк Ю.В. Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах. — С. 165—166.

¹¹⁸ Анхимюк Ю.В. Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах. — С. 166; ПСРЛ. — Т. XXIX. — С. 310.

¹¹⁹ ПСРЛ. — Т. XXIX. — С. 310.

¹²⁰ Буганов В.И. «Взятье Полоцкое Литовской земли» — описание похода 1563 г. в разрядной книге Музейного собрания. — С. 217. Ср.: Анхимюк Ю.В. Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах. — С. 166.

¹²¹ Володихин Д.М. Опричнина и «псы государевы». — М., 2010. — С. 230—232.

¹²² Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. — М., 1980. — С. 207—208.

¹²³ Анхимюк Ю.В. Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах. — С. 166.

¹²⁴ Там же. — С. 168.

¹²⁵ Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года. — С. 142; ПСРЛ. — Т. XXIX. — С. 312.

¹²⁶ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. III (1560—1571). — С. 288.

-
- ¹²⁷ Савва В.И. О Посольском приказе в XVI в. — Харьков, 1917. — Вып. 1. — С. 155.
- ¹²⁸ Лихачев Н.П. Думное дворянство в боярской думе XVI столетия // Сборник Археологического института. — 1898. — Кн. 6. — С. 10.
- ¹²⁹ Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506—1608 гг. — М., 1998. — С. 415; Зимин А.А. Опричнина. — М., 2001. — С. 196; Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. — С. 35—36.
- ¹³⁰ Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506—1608 гг. — С. 282.
- ¹³¹ Кобрин В.Б. Несколько документов по истории феодального землевладения XVI века в Юрьев-Польском уезде. — С. 469.
- ¹³² Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. — М., 1987. — С. 87.
- ¹³³ Новгородская вторая (Архивская) летопись // ПСРЛ. — Т. XXX. — С. 160—161.
- ¹³⁴ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. III (1560—1571). — С. 666.
- ¹³⁵ РК 1475—1598. — С. 236; РК 1475—1605. — М., 1982. — Т. II. Ч. II. — С. 269.
- ¹³⁶ Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. — С. 91; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством. Т. I (1556—1586) // Сборник Императорского Русского исторического общества. — СПб., 1910. — Вып. 129. — С. 216.
- ¹³⁷ Виноградов А.В. Русско-крымские отношения 50-е — вторая половина 70-х годов XVI века. — М., 2007. — Т. II. — С. 198—199.
- ¹³⁸ РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 309—310.
- ¹³⁹ РК 1559—1605. — М., 1974. — С. 90.
- ¹⁴⁰ Кобрин В.Б. Несколько документов по истории феодального землевладения XVI века в Юрьев-Польском уезде. — С. 470—471.